ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 132 (4257)

Суббота, 5 ноября 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Ральф ПАРВЕ

РОДИНА

Летнего неба синь беспредельная,
Запах смолистый лесной дороги,
Гравий, скрежещущий под подошвами,
И у дороги сухая травинка —
Это Родина.
Пальцы любимой а твоей ладони,
Щеку щекочущие золотые прядн,
Губ пульсирующих прикосновение,
Сердце, которое рвется на части
От ощущенья безмерной близости, —
Это Родина.
Сына испачканная мордочка,
Вечные ссадины на коленках,
Дерзкая челка (его порой бы
И оттаскать за нее невредно),
Смех и смущенье, с которым он
школы
К маме приходит он с первой
пятеркой, —
Это Родина.
Торс обнаженный, упругие мышцы
Парня, трамбующего дорогу,
Чтоб ездить нам было по ней
удобней,
Взгляд озаренный, которым сеятель
Поле окидывает перед посевом, —
Это Родина.

Лица людей, спешащих навстречу,
Близких по-разному и незнакомых
(В них, словно в книге, порой
читаешь
Строки, которые после напишешь),
Звуки, ждущие нотной записи,
Формы, что ждут зубила и камня, —
Это Родина.
Сердце твое, что еще не однажды
В розовом круге настольной лампы
Станет на чистом листе бумаги
Словом, взволнованным и весомым,
Словом, которое скажет людям
Все, чем на свете живешь ты и
дышишь, —
Это Родина.

Перевел с эстонского
Н. КОРЖАВИН

Янь МИН,
китайский поэт

Советской певице

Слушая вас и глядя на вас,
Увидел я синее небо Москвы,
Казалось, что мне улыбнулся Кавказ
И пели задумчиво волны Невы...

Вдыхал аромат на полтавских полях,
Урал меня с музыкой встретил, как
друг,
И все ато — в голосе вашем, в глазах,
В улыбке, в движении рук...

И словно не песня, а волжская ширь
Открылась внезапно китайским
друзьям,
И Волге от сердца, от чистой души
В ответ аплодирует наша Чанцзян!

Перевел с китайского
Игорь ГОЛУБЕВ

ЭТИ КНИГИ БУДУТ СОЗДАНЫ

В эти дни советская литературная общественность широко обсуждает предложение редакционной коллегии «Правды» о создании очерков и книг о наших героях-современниках.

Секретариат правления Союза писателей СССР, в заседании которого приняли участие Т. Абдумомунов, П. Бровка, К. Воронков, Н. Грибачев, Г. Марков, А. Салынский, А. Сурков, А. Твардовский, Н. Тихонов, единодушно одобрил предложение «Правды» и призвал писателей, коллективы литературных газет и журналов принять активное участие в работе над очерками и книгами.

Президиум правления Московского отделения Союза журналистов СССР призвал журналистов столицы принять самое непосредственное участие в создании очерков о героях наших дней.

Горячо поддержала предложение «Правды» ленинградская писательская организация. Секретариат Ленинградского отделения Союза писателей создал специальную комиссию, в которую вошли Ю. Герман, Д. Гранин и А. Сапаров.

Обращение «Правды» обсуждалось литераторами Киева, Минска, Тбилиси, Риги, Ростова-на-Дону, Горького.

ХОРОШО!

Вот она — праздничная панорама Красной площади, такая знакомая и вместе с тем всегда такая новая, неповторимая. Сегодня мы уже не те, что вчера, а завтра будем не те, что сегодня, — из года в год хорошеет и набирает новые силы наша страна, хорошеет, совершенствуется облик советского человека. И люди, которые придут сюда утром 7 ноября 1960 года, как бы принесут с собой к Мавзолею, к трибунам, к древним Кремлевским стенам свой творческий отчет — вот что мы сделали за этот год, вот самое заветное, чем живем мы, о чем думаем, к чему стремимся.

В поэме «Хорошо!», написанной в 1927 году, Владимир Маяковский так сказал об этих замечательных, волнующих минутах, когда человек вступает в рядах демонстрантов на Красную площадь:

На девять
сюда
октябрей и маёв,
под красными
флагами
праздничных шествий, —
носил,
с миллионами,
сердце моё,
уверен
и весел,
горд
и торжествен.

Теперь уже не девятый, а сорок третий Октябрь встречаем мы, и как поэтическую эстафету пронесем в своих сердцах это замечательное слово «Хорошо», которое звучит сейчас во много крат ярче, звонче, радостней. Вокруг уже не та Москва, что только-только начала изменять на социалистический лад свой веками сложившийся облик, а новая, подлинно социалистическая Большая Москва, столица, краше которой нет. А как величавы просторы земли советской, какие чудесные перемены произошли и происходят на ней сейчас, на сорок третьем году революции...

Сама жизнь вписывает новые, замечательные страницы в поэму «Хорошо!». Да, «жизнь прекрасна и удивительна», и, конечно же, прав был поэт, утверждая, что «год от года расти нашей бодрости». Об этом и поведает праздничное шествие на Красной площади 7 ноября 1960 года.

Фотоочерк А. Князева, С. Осипова и М. Трахмана

НАШЕ ВРЕМЯ

Анатолий СОФРОНОВ

ЕСЛИ БЫ была на свете такая карта, что могла бы по нашему желанию показывать все изменения в мире — день за днем, год за годом, — то глазам нашим представилась бы интереснейшая и поучительнейшая картина.

Бедна и однообразна была карта земного шара сорок три года тому назад. Будто всего пятью-шестью красками владел художник, расцветивший огромные пространства Азии, Африки, Океании в те же несколько оттенков, что господствовали на карте Европы. Но вот алым цветом зари окрасился небосвод России в семнадцатом году. И переменилась карта мира. Мы стали свидетелями небывалого и величественного процесса: полтора миллиарда человек, половина человечества, освободились от цепей рабства, от колониального гнета. Никогда не угасавший огонь национально-освободительной борьбы вырвался наружу и по-новому осветил весь мир. Индия. Индонезия. Арабский Восток. Африка.

Незабываемые дни переживает сейчас Африка. Черный континент в огне. Он напрягает усилия, чтобы окончательно расправить плечи, выпрямиться и зашагать свободным шагом в новое будущее.

Мы видим, как колонизаторы, и старые и новоявленные, виснут на руках и ногах африканских народов, пытаясь сохранить ржавые кандалы колониализма у тех, кто решил стать свободным.

В апреле этого года советская делегация принимала участие во 2-й конференции солидарности стран Африки и Азии. Конференция состоялась в Конакри, столице Гвинеи. Удивительное чувство испытываешь в этой республике, только получившей независимость, республике, которая только становится на ноги, республике, в которой народ полон решимости отстаивать свою свободу до конца.

Мы привезли с собой проспекты, в которых рассказывалось об Университете дружбы народов. Все желающие могли получить такой проспект. Вот его взял худенький юноша, здесь же, в зале заседания, присел и начал переписывать проспект слово в слово. Мы сказали:

— Можно не переписывать, можно взять этот листок с собой.

Юноша с Берега Слоновой Кости улыбнулся и сказал:

— Нет, я хочу сам, своей рукой переписать каждое слово. Мне это доставляет огромное удовольствие. Для нас большая радость, что Москва приглашает нас учиться и обещает дать профессии, которые помогут нам построить новую жизнь на африканской земле.

Я не помню имени этого юноши и не знаю, поступил ли в Университет дружбы народов юный представитель Берега Слоновой Кости. Сейчас ноябрь. Прошло всего полгода с той поры. Университет открывается. Сотни юношей из Африки, Азии, Латинской Америки встречаются под его гостеприимным кровом. Мы их видели. Это — счастливые люди.

Несколько лет тому назад у нас появились первые студенты из стран Азии и Африки. Москвичи встречали их как братьев. Студенты и студентки Московского университета и других учебных заведений делали все для того, чтобы гости из Азии и Африки чувствовали себя как дома. Правда, тогда для наших бесед нужны были еще переводчики. Сейчас переводчиков не нужно.

На недавней 1-й советской конференции солидарности народов Азии и Африки в Сталинабаде гостями были студенты из Камеруна, Алжира, Сомали, Уганды, Ирака, Вьетнама, Китая и других стран. Они выступали и приветствовали представителей советских республик, делегатов конференции. Все студенты произносили речи на русском языке. Еще нетвердо, еще неточно, путая ударения. Но они отказались от переводчиков! Они чувствовали себя равными среди равных. Камил Чапейу из Камеруна стал любимцем жителей Сталинабада. Где бы ни бывал он в своей голубой национальной одежде, всюду встречал дружеские слова и улыбки. Вместе с ним мы выступали по Сталинабадскому телевидению. Камил Чапейу говорил:

— Я рад и благодарен Советскому комитету солидарности, таджикскому народу за приглашение на эту конференцию. Я вижу, сколько может сделать свободный народ за очень короткий срок.

Да, у всех, кто познакомился с жизнью Таджикистана и почувствовал великое радушие таджикского народа, были основания для таких слов.

Разве можно забыть вечер в колхозе «Победа» Сталинабадского района? Встреча происходила в только что открытом Доме культуры. В нем еще пахло краской, свежевыструганным деревом. В зале находились гости из Японии. Когда секретарь райкома партии сказал о том, что мы рады встретить представителей народа, который захлопнул перед носом Эйзенхауэра ворота в свою страну, — хозяева и гости поднялись со своих мест. Наши гости, только что прилетевшие в Сталинабад, стояли смущенные. Среди них была уже немолодая женщина Сунико Танака; мать троих детей, она стала одним из организаторов антиамериканских демонстраций. Муж ее до сих пор находится в тюрьме. Она говорила:

— Всю свою жизнь я посвящу тому, чтобы мой народ был счастлив так же, как и советский народ.

Это было мужество, подлинное мужество матери, увидевшей жизнь свободного народа.

В этих фактах, в событиях больших и малых, происходящих ежедневно на всем земном шаре, и видно наше время, время новой эпохи, которая начата 43 года назад по призывному слову великого Ленина, по выстрелу крейсера «Авроры».

И то, что было невозможно несколько десятилетий тому назад, о чем не могли мечтать миллионы людей на земной планете, было видно Ленину, было видно Коммунистической партии. Поэтому так естественно было, когда в Сталинабаде гости из Китая, Индии, Японии, Камеруна, Сомали, Ирака, Алжира и других стран высаживали чинары в новом парке имени великого таджикского писателя Садриддина Айни.

Пусть растут чинары, чинары дружбы и солидарности, ростки нашей общей человеческой радости! Мы верим в то, что деревья вырастут, и когда зашумят их кроны, то о колониализме уже не будет помину на нашей щедрой земле.

В ЭТИ ГОДЫ какие-то токи наших сердец идут от человека к человеку, наполняя нас великой решимостью и верой в будущее.

Люди любят солнце, любят свежий ветер, шелест травы, пестроту весенних лугов, любят мирный кров и готовы хранить все это. Но именно поэтому люди не могут мириться с бесправием и несправедливостью, которые царят еще на земле.

Разве можно забыть дни, которые провели мы в Чили? У нас было много хороших и добрых встреч, долгих разговоров. К нам тянулись дружеские руки, мы узнавали друг друга и чувствовали доверие.

Чили у нас всегда олицетворяется с именем Пабло Неруды, замечательного поэта, видящего землю во всей ее красе, природу — во всем ее великолепии и человека — во всех его прекрасных возможностях.

Мы встречались раньше с Пабло в Москве. Знали его стихи. Но человек познается лучше всего у себя дома. Помнится вечер в отеле, когда к нам пришел Пабло Неруда для того, чтобы проводить нас на встречу с чилийскими писателями. В этот вечер в Сант-Яго, столице Чили, было шумно. В городе состоялась многолюдная демонстрация, посвященная предстоящим выборам президента. Пабло Неруда вошел в вестибюль гостиницы возбужденный. Мы обратили внимание на то, что руки у него испачканы краской. Спросили:

— Что это такое?

Он сказал:

— Я нес знамя. Поторопимся, нам пора.

Мы сели в машину и отправились в маленький ресторан одного из рабочих районов, где люди чувствуют себя непринужденно и просто. Это был хороший вечер, когда мы находили самые радушные слова друг для друга, когда звенели бокалы, наполненные прекрасным чилийским вином, произносились дружеские тосты. Где-то в середине вечера поднялся Пабло Неруда и сказал:

— Я хочу выпить за великую страну, за страну счастья и свободы, представителей которой мы видим у себя в гостях. Наша страна бедная, нам еще многое нужно сделать для того, чтобы она была счастливой и богатой.

И тогда вдруг от одного столика поднялся человек, подошел к Неруде и сказал:

— Пабло, почему вы так плохо говорите о нашей стране? Я люблю нашу страну. Она не бедная.

Пабло с бокалом подошел к соседнему столику, сел среди группы рабочих и долго с ними беседовал. Потом он снова вернулся и сказал:

— Замечательные люди у нас, очень они любят свою страну. Но я должен подробно рассказать им, что такое Советский Союз и что мы можем сделать с нашей страной, когда мы будем свободны.

Вскоре от столика, к которому подходил Пабло Неруда, к нам за стол перекочевали все. Это были шоферы и трамвайщики. Далеко заполночь засиделись мы с этими хорошими людьми, впервые увидевшими гостей из Советского Союза. Мы расстались с ними большими друзьями...

Маленькая страна Панама будто насквозь перерезана колючей проволокой, окружающей Панамский канал, — канал, построенный на костях негров Панамы. Сейчас это — владение Соединенных Штатов Америки.

Два дня, которые мы провели в Панаме, дали возможность узнать душу и сердце народа Панамы. Где бы мы ни появлялись, к нам подходили негры, пожимали руки, говорили:

— Спасибо! Спасибо вам! Спасибо Советскому Союзу...

ТАКОВО наше время, время, начатое в октябре 1917 года, время, отсчитывающее часы в пользу народов всего земного шара. Откуда же берется уверенность у тех, кто еще вчера был в кандалах, кто еще сегодня в кандалах? Уверенность у них оттого, что есть великий Советский Союз, есть могучий социалистический лагерь, есть миллионы людей, которые решительно вышли на новый путь, путь свободы и мира.

Смелость и уверенность народов умножаются с каждым днем! И это закономерно. Уверенность будет крепнуть с каждым днем, потому что миллионы людей на азиатских и африканских просторах, в долинах и горах Латинской Америки, в городах и деревнях Европы знают, что есть великий поборник мира и счастья человеческого — Советский Союз. Весь мир слышал слова Н. С. Хрущева с трибуны XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Они, как призывный набат, как видимый всему человечеству маяк, зовут каждого на борьбу за великую победу разума и совести человеческой над тьмой и варварством.

И в этом — наше время, время борьбы и надежд, время радостей и проходящих печалей, время великой уверенности и время благородного труда на будущее, на все человечество.

ТО ХЫУ
(Вьетнам)

ЛЕТИ ВВЫСЬ

Земля вращается вкруг Солнца, им согрета,
Сплотился род людской вокруг Страны Советов.

Полмира светится ликующим багрянцем,
Лучами алыми пронзен потемок панцирь.

Приветствую тебя на высоте подъема —
Как горняя звезда, средь горних звезд ты дома!

Когда-то предок наш, клыкастый и косматый,
Бродил средь духов тьмы, сам темнотой объятый.

Мы сделались людьми в потоке поколений
Не для того, чтоб пасть пред мраком на колени.

С природой дикой в бой вступили рукопашный,
У зарослей лесных отвоевали пашни.

Не для того, чтоб кровь, дымящаяся гневом,
И жатву залила, и новые посевы.

На рисовых полях, теперь полях сражений,
Растут холмы костей, зовущие к отмщенью.

Раскрыты мертвецов невидящие очи,
Для них и солнца лик стал достояньем ночи.

Путь человечества незрим. Куда ведет он?
Над головами тень раскинула тенета.

Но над слепой землей раздался по-хозяйски
Клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ты человеком стал, клич истины услышав,
Ты увидал свой путь, тот, что ведет всех выше!

С дней революции, с Октябрьских дней суровых,
Воспрянул шар земной и рушатся оковы.

Земля вращается вкруг Солнца, им согрета,
Сплотился род людской вокруг Страны Советов,

Полмира светится ликующим багрянцем,
Лучами алыми пронзен потемок панцирь...

Приветствую тебя на высоте подъема —
Как горняя звезда, средь горних звезд ты дома!

Перевела с вьетнамского А. ЭФРОН

Творческие вечера, спектакли, концерты

СЛОВА, поставленные заголовком этой корреспонденции, отвечают точному положению, которое характерно сейчас для культурной жизни республики. Москва — при всем ее традиционном широком гостеприимстве — не сможет принять у себя во время декады всех, кто смог бы достойно представлять украинское искусство и литературу, и тем более всех, кто желал бы присутствовать на этом большом и радостном празднике.

Не все поедут в Москву — и тем не менее вся Украина, вся украинская творческая интеллигенция так или иначе готовит декаду и будет в ней участвовать. Декадные собрания, творческие вечера, просмотры, концерты и спектакли прошли по всей республике. Все лучшие художественные коллективы и исполнители — профессиональные и самодеятельные — покажут свое искусство в Киеве, — это была как бы генеральная репетиция всей декадной программы.

Так, на сценах киевских театров с успехом прошли спектакли харьковских, одесских, львовских театров. В Октябрьском дворце культуры состоялся концерт Государственного заслуженного ансамбля танца УССР. Спустя несколько дней в том же зале киевляне смотрели театрализованное представление с участием заслуженных артистов республики Ю. Тимошенко и Е. Березина. Название спектакля звучит вполне современно — «Везли эстраду на декаду». В зале Украинской государственной филармонии состоялся предекадный концерт исполнителей на народных инструментах.

На днях киевляне с удовольствием смотрели заключительный концерт участников декады, который состоится... в Москве. Нет, это был, конечно, не сам концерт, а только репетиция. И состоялась она пока в «киевских Лужниках», в новом замечательном Дворце спорта, который почти уже готов, во всяком случае настолько, чтобы участники концерта чувствовали себя в нем, как в Лужниках...

Большой вечер поэзии под председательством Павло Тычины прошел в Киевском государственном университете имени Шевченко. Во Дворце культуры Дарницкого железнодорожного узла на творческий вечер Ванды Василевской пришли ткачихи Дарницкого шелкового комбината, железнодорожники, работники Комбината искусственного волокна и других предприятий Дарницкого района. К трудящимся Ленинского района приехал драматург Микола Зарудный.

В библиотеке имени Салтыкова-Щедрина выступили на днях поэты П. Воронько, М. Нагнибеда и А. Пидсуха.

На днях участники декады выезжают в Москву. А в это же время в Киев приедет на гастроли Большой театр Союза ССР, в Харьков — Театр имени Моссовета, в Днепропетровск и Кривой Рог — коллектив Малого театра.

Г. ГРИГОРЬЕВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»
КИЕВ. (По телефону)

Тамара КОЛОМИЕЦ

***

Мороз погладил мою калину,
Как вынул горечь —
настала спелость.
Я открываю в сугроб калитку,
Во мне весенних предчувствий
смелость,
Хотя погладил мороз калину.

Зима — надменна, глядит — лукавит,
Она в пушистой и легкой шали,
Захочет снега — взмахнет
руками,
Скрипит сафьяном при каждом шаге,
Зима — надменна, глядит — лукавит.

Пусть долго смотрит, да смотрит
вволю,
Глаза искрятся — ледышек пара.
Я набираю в колодце воду,
Она покрыта лохматым паром.
Пусть долго смотрит, да смотрит
вволю.

Вода в глубинах не замерзает,
Она прозрачна, она спокойна.
Зима, как девочка, замирает,
Глаза отводит она покорно —
Вода в глубинах не замерзает.

Перевела с украинского
Юнна МОРИЦ

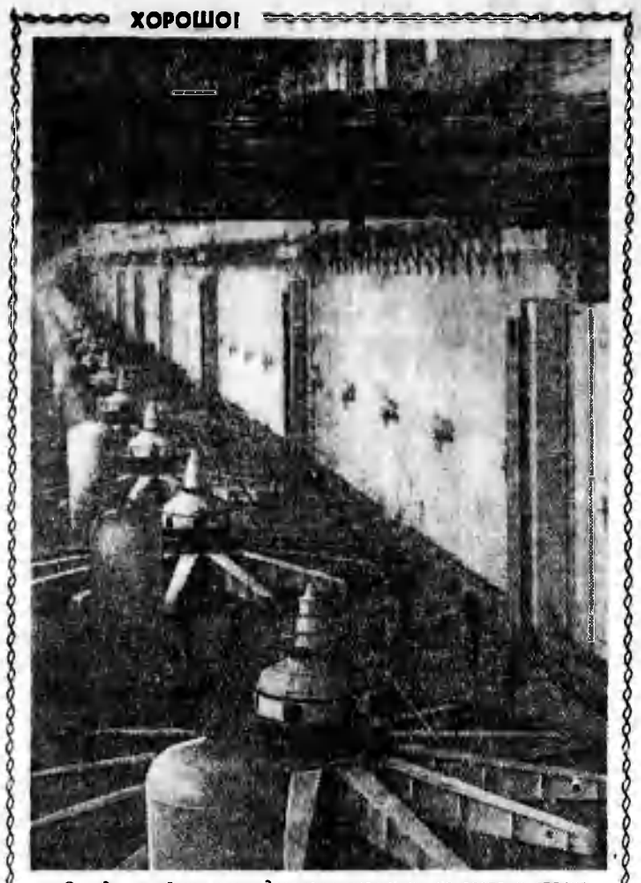
Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

***

Что весь народ, что вся громада
в себе веками берегла,
то Переяславская Рада
навеки выразить смогла.

И мнится: с этой Рады в Киев
Богдан сейчас лишь прискакал,
и перед древнею Софией
взлетел с конем на пьедестал!

Не из веков, не из тумана,
а сжав, как прежде, булаву,
рука бессмертного Богдана
указывает на Москву!



«Сегодняшний житель» достроил «коммуну из света и стали»... Более трех десятилетий тому назад поэт провидел эту «коммуну», ныне воплощенную в могучих турбинах электростанций, в совершенных станках, в автоматических линиях, в космических кораблях.

В ВЕК КОСМИЧЕСКИЙ (ИЗ НОВОЙ КНИГИ)

Михаил ЛЬВОВ

СИГНАЛЫ СПУТНИКА

I

Этот голос доходит
До дворцов и до изб.
Этот голос походит
На младенческий писк.
Ты прислушайся — это
В вышине мировой
Новорожденный
где-то
Голос пробует свой,
О себе заявляет,
Слов не зная пока,
Долго мять не желает
В колыбели бока.

Над землей населенной
Круг за кругом чертя,
Это — в люльке Вселенной
Мы качаем дитя!
И растет тот ребенок
Не по дням — по часам.
Из гигантских пеленок
Скоро выпрыгнет сам;
Встанет, дерзкий и рослый,
Будет звезды шугать,
Будет запросто
после
По планетам шагать.

II

Сигналы наших спутников,
сигналы
С борта космического корабля!
С лица усталость всякую согнала,
Услышав вас, не юная Земля.

Есть что-то в вас младенческое,
родственное
(Ведь люди вас на свет произвели).
Есть жалобное что-то и сиротское
(Вас кинули далеко от Земли).
И в космос всматривается отечество.
Там — первые младенцы
и сыны
Космического века человечества
Над нами в небеса вознесены.

ПРОДУКТЫ РАСПАДА УРАНА

Продукты распада урана.
Об этом подумать не рано.
Куда их девают на свете
И много ли их на планете?
Какие таят они грозы,
Смертельные — смертным — угрозы?
Продукты распада урана.

В пути над горами Урала,
Иль в синих валах океана,
Под небом Ирака, Ирана
Догонят тебя, ветерана,
Продукты распада урана?
Иль выйдут с водою из крана
Продукты распада урана?
Иль с неба, как страшная манна,
Падете, остатки урана?
Засыплете воду и сушу,
Разымете тело и душу?
И в мире уроды родятся,
Какие и в снах не приснятся.
Красивые нынче народы
Заменят уроды, уроды.

Продукты распада урана...
Об этом подумать не рано.

***

Когда поёшь уже не полной мощью,
То хочется — поэзия, прости —
Слезть с себя поэта полномочья
И в ранг иной себя перевести.
Лишь только бы не портить
впечатленья,
Добытого ценою честных мук,
Лишь только бы не жить
на иждивенье
Завоеваний прошлых и заслуг.

***

Запрокинутые головы любимых,
Древние и вечные слова,
Трепет рук —
что крыльев
лебединых...
Миллионы раз
любовь права,
Пламенеть
столетья
не устала.
Каждый раз по-новому нова,
Юными, несмелыми устами
Обновляет древние слова.

Все — опять сначала, все — весенне,
И душа, и дым твоих волос.
О, какое счастье и везенье,
Что на свет родиться удалось,
Слышать жизни праздничные трубы,
Небо над собою поднимать,
Целовать отзывчивые губы,
И лебяжью шею обнимать.

***

Играли предки топорами,
Держали в трепете князей.
Нет, не позволит темперамент
При жизни спрятаться в музей,
Чужою жизнью жить и славой,
Чужие славы охранять.
Нет, жить своей, пусть даже слабой,
Свои попытки предпринять,
Свое открытие эпохи,
Свое открытие земли.
Пусть — не пророки и не боги.
Но и — не падшие в пыли,
Свою
проносим
жизнью
гордость,
Свои, свои дела творим,
И сверхстремительную скорость —
Живую жизнь — боготворим.

Алексей ПЫСИН

Обращение к Ассамблее

Не хочу, чтоб снова к нам в ворота
Постучалась давняя беда,
Не хочу, чтоб взрывом водорода
Все сады спалило навсегда.
Пусть на ветке яблоко поспеет
Круглое, как будто шар земной,
Пусть провозгласят на Ассамблее:
— Прочь войну! Оружие — долой!
Встаньте рядом, черный, желтый, белый,
Кровь у всех один имеет цвет.
Клевету изобличайте смело,
На угрозы отвечайте:
Нет!
Пушки — в печь! Домой пора солдатам,
В касках будут гнезда голубей.
Пусть плугами управляет атом
И приносит влагу для полей.

Перевел с белорусского
Я. ХЕЛЕМСКИЙ

С доброй улыбкой писал Маяковский о том, как «сидят папаши. Каждый хитр. Землю попашет, попишет стихи». И про нынешние колхозные села с еще большим правом можно сказать, что там и стихи пишут, и пляшут, и поют. Неисчерпаемы родники народного творчества!

ТРИ МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ

Три маленькие истории из жизни советских людей. Они, эти люди, занимаются экспериментальной физиологией, переводами и вместе с тем пишут книги.

Что же это за истории?

1. Первая книга академика Найли Базановой

На приеме в посольстве Индии корреспондент одной из делийских газет спросил меня, знаю ли я советского парламентария и академика Базанову из Алма-Аты и действительно ли она казашка?

— Да, знаю. А, *собственно*, в чем дело?

— Видите ли, мне пришлось с ней встречаться в Дели. Она приезжала к нам в Индию в составе одной из советских делегаций. Очень приятная женщина и к тому же эрудит в науке... Я слушал ее короткий рассказ о себе, и, поверьте, это настоящий роман. Понимаете, роман. Кстати, она не пишет о себе книгу?

...В Алма-Ате только что вышла в свет книга академика Академии наук Казахской ССР Базановой — «Дорогами жизни». Я позвонил Найле Уразгуловне на квартиру, благо рабочий день в Алма-Ате уже кончился. Поздравил ее с наступающим праздником, а потом спросил о книге и истории ее написания.

— Да, такая книга только что вышла из печати. Признаться, я не собиралась писать ее. На этом настояли друзья

— О чем же ваша книга?

— О моей жизни. Всем хорошо известно, что история драматически раздвоила наша представление о судьбе восточной женщины. Поэмы воспевали некую небесную неприступную красавицу, а в действительности казашка была безответной рабой. В старом ауле с утра до ночи она доила кобылиц, катала войлок, исполняла всю черную работу, успевая, разумеется, растить детей. ...Вот этому былому я и посвятила первые главы книги.

— А остальные?

— Школьным, студенческим годам, веселой комсомольской жизни. Я написала о людях, которые помогли мне учиться расти. Я писала о том, как сложилась моя жизнь. Здесь и учеба, и первые научные поиски, и высокая честь быть депутатом народного парламента, и впечатления о поездках в Данию, Болгарию, Австрию, Индию... Вот о чем эта книга.

— Чем вы заняты сейчас?

— Будучи академиком-секретарем одного из отделений Академии наук Казахстана, я еще руковожу научной лабораторией К тому же у меня депутатские обязанности, аспиранты, семья, чтение...

— А литературные планы?

— Я ведь физиолог, а не писатель...

2. Стихи Ильгиза Калимуллина

Когда мы жарким августовским днем прилетели в Казань, мой товарищ, молодой веселый поэт, сказал:

— Идем к Калимуллину. У Ильгиза, наверное, есть новые стихи.

Ильгиз, как всегда, сидел в подвижном кресле на трех колесах. Он был рад гостям, которые, впрочем, не переводятся в этом доме, как не переводятся здесь стихи и книги.

...Еще в школьные годы веселого и озорного мальчугана Ильгиза Калимуллина настигла беда. Он заболел полиомиелитом. Болезнь прогрессировала, мальчик с трудом ходил, едва поднимаясь по лестнице домой, на второй этаж. Это было очень трудно, ведь Ильгиз любил бегать, скакать верхом на лошадях. Сколько лихих коней он нарисовал на классной доске! А рисовал он издавна, робко мечтая стать художником. И, вероятно, стал бы им, если бы не болезнь, которая на долгие годы приковала его к постели. Теперь он не мог ходить, двигаться. Но учебу не бросал. Друзья приносили домой книги, учебники и помогали ему. Однако болезнь наступала и врачи многого добиться не смогли...

Оставались чтение, радио, музыка, стихи. Стихами Ильгиз увлекся как-то незаметно. В мае 1945 года, когда едва ли не все писали стихи о победе, он тоже сочинил стихотворение. Любовь к стихам росла незаметно. Наконец, первые стихи, тайком посланные в республиканскую газету, были напечатаны...

Поэзия вошла в жизнь Ильгиза Калимуллина, комсомольца, коммуниста, человека жаркой души и неуемных планов. Не так давно стихи Ильгиза впервые вышли в свет отдельными книгами. И хотя ему по-прежнему приходится передвигаться в кресле на трех колесах и писать каждое слово, зажав двумя руками специальный карандаш, все же у него отличное настроение. Он любит жизнь, полон замыслов.

— Есть у вас новые стихи?

— Конечно. Если хотите, одно из них я вышлю...

Вот оно, это стихотворение Ильгиза Калимуллина.

Сугробы за окном навалены.
Полночный мрак остужен вьюгой.
А я, склонившись, опечаленный,
Держу ладонь больной подруги.

Я над тобой сижу сиделкою.
Твой жар во мне готов разлиться.
Пусть все обидное и мелкое
Сегодня в нас испепелится.

Меж нами были ссоры зряшные,
Впадали мы во власть гордыни.
Пусть наша молодость бесстрашная
От суеты уйдет отныне.

А мне не надо ничегошеньки
Я жду, как светлой благодати,
Когда твои босые ноженьки
На желтый пол спорхнут с кровати.

3. Впервые у себя дома...

Это было в Перми. В областной комсомольской газете я прочитал отлично написанный очерк из зарубежной жизни.

— Кто автор? — спросил я у редактора.

— Ольга Александровна Грекова-Волконская, переводчица бюро технической информации нашего совнархоза.

В тот же вечер я встретился с высокой смуглой женщиной. Она неторопливо вспоминала свою жизнь.

Ольге Александровне, конечно, не очень легко было рассказывать о себе, тем не менее она подробно вспоминала минувшее, испытывая в этом, как потом она заметила, какую-то потребность. Ее отец, офицер старой армии, эмигрировал с семьей в Турцию. В Стамбуле Александр Петрович Греков, готовившийся стать переводчиком древних классиков, с превеликим трудом устроился столяром, каждое утро уходя в мастерскую за двенадцать километров. Так началась эмигрантская жизнь Грековых.

Сначала — голод в Стамбуле, потом бараки в Марселе, столярничанье в Париже. Так приняла Грековых Европа. Затем в 1936 году они переехали в Аргентину.

— Я переводила с русского, французского, английского на испанский. Платили мало. Сделаешь один перевод и с ужасом думаешь, найдешь ли другой. Каким-то чудом мне потом удалось устроиться в вечернюю школу журналистики, где, впрочем, философию заменило богословие, а Вольтера совершенно официально предавали анафеме. В Аргентине в такой тяжкой обстановке взялась за перо. Написала роман о постылой эмигрантской жизни, сборник рассказов, маленькую книгу о Пушкине... Книги, язык и мечта о возвращении связывали нас с Родиной. Это было главным. Это было сильнее всего.

Весной *нынешнего* 1960 года из далекой Аргентины на Родину, в Советский Союз вернулись Грековы: мать, два сына с семьями, Ольга Александровна. Все, конечно, быстро устроились с работой. Ольга Александровна пошла работать в совнархоз переводчицей.

— Когда вы напишете обо всем этом книгу?

— Трудно сказать. Многое нужно осмыслить, отсеять, отобрать. Но такую книгу я, конечно, напишу. Когда живешь дома, видишь свое солнце, свои звезды, свой русский, чуть синий снег, — она, эта книга, становится чем-то совершенно необходимым.

Н. МАР

«БОРОТЬСЯ С ТЬМОЮ ДО МОГИЛЫ...»

Новое о поэте-революционере Пантелее Махине

Никита Сергеевич Хрущев в своих выступлениях на III съезде писателей СССР и Всероссийском съезде учителей упоминал имя ближайшего друга своей революционной юности, шахтера-поэта Пантелея Махини, зверски убитого врагами Советской власти.

Сталинское областное книжное издательство подготовило к печати книгу о пролетарских поэтах Донбасса — «Поэзия революционной бури», в которую включены материалы о Пантелее Махине.

Сегодня мы публикуем отрывок из этой книги. Автор, Е. Волошко, выступивший в конце прошлого года в нашей газете с очерком о Пантелее Махине, собрал новые интересные данные об этом замечательном человеке, бесстрашном солдате революции.

В сборе материалов автору большую помощь оказали заместитель начальника Сталинского областного управления КГБ Украины подполковник Г. Гомля, а также офицер флота в отставке С. Погорелов и другие боевые товарищи Пантелея Махини.

Преследуемый за свои *революционные* убеждения, Пантелей Климентьевич Махиня в 1918 году (а не в 1919, как сообщалось ранее) вынужден был уйти в подполье, а затем навсегда покинуть Донбасс. Уезжая в Черкассы, он получил ряд заданий от юзовской организации большевиков. Одно из них — сбор и транспортировка в Донбасс оружия для красных шахтерских отрядов. С этим поручением Махиня справился блестяще.

В период оккупации Черкасс Махиня часто бывал на конспиративной квартире, которая находилась в здании трактира на Днепровском шоссе. Вместе с ним сюда заходили Григорий Рябоконь, Василий Шакун, Сергей Погорелов, китаец Чао Ли («Ваня») и другие подпольщики. Каждый из них получал от Махини конкретные задания, за которые нес строгую ответственность по законам революции.

На одном из собраний, происходившем на конспиративной квартире, было решено взорвать военный склад, который принадлежал воинскому подразделению украинских националистов. Это задание выполнил Махиня вместе с коммунистом Чао Ли.

Подпольная *типография* большевиков находилась на пароходе «Проворный». Там печатались составленные Махиней листовки на русском, украинском, немецком и французском языках.

В начале 1919 года Махиня организовал взрыв комендатуры самостийников. Непосредственными исполнителями этой операции были русский коммунист Погорелов, беспартийный украинец Марухеня и бывший австрийский военнопленный Пуканасис. Этой же ночью Махиня и Чао Ли взорвали объединенный штаб петлюровских куреней.

После восстановления в Черкассах Советской власти Пантелей Махиня был направлен в качестве оперативного комиссара в уездную ЧК. Он руководил разоблачением и арестом белогвардейской подпольной шайки, свившей осиное гнездо в доме черкасского брандмейстера Ауэрбаха.

В *этот период одним из ближайших* соратников Махини был член КПСС с 1917 года Григорий Рябоконь, также уроженец Черкасщины, долгое время работавший каменщиком-мостовщиком, а затем — шахтером в Донбассе.

В гражданскую войну Рябоконь, вернувшийся из царской армии полным георгиевским кавалером, становится партизанским командиром, позже — начальником *обороны* участка *фронта*, военкомом и председателем ревтройки. Это он впоследствии присудил к расстрелу не успевших скрыться убийц Пантелея Махини...

Махиня и Рябоконь были людьми исключительной храбрости. В конце октября — начале ноября 1919 года они предприняли во главе партизанского соединения Андрея Хижняка, действовавшего на Киевщине, дерзкую вылазку в Черкассы, где тогда хозяйничали деникинские бандиты. Махиня, Рябоконь и Хижняк оделись в генеральскую форму, другие командиры — в офицерскую, а рядовые партизаны — в солдатское обмундирование.

Приказав партизанам окружить летний театр, где происходило собрание офицеров гарнизона, Рябоконь и Махиня поднялись на сцену и *предложили* деникинцам выходить в боковую дверь для проверки документов. Во дворе партизаны бесшумно разоружали белогвардейцев. После этой операции отряд забрал с собой в лес двух *генералов* и одного полковника.

...Таким был Пантелей Махиня, славный сын рабочего класса Украины, отважный революционер, поэт шахтерского Донбасса.

Евгений ВОЛОШКО

гор. СТАЛИНО

Гости праздничного Ташкента

Хорошо говорить о поэзии, когда и дела идут хорошо, и на душе радостно, — эти слова, сказанные кем-то из поэтов на одном из вечеров русской поэзии в Узбекистане, необычайно точно передают ту атмосферу праздничности, в которой живет в эти дни вся республика.

В тот день, когда самолет Сталинабад — Ташкент, в котором летели гости, приземлился на узбекской земле, в воздухе уже чувствовалось веяние праздника. Ташкентцы наряжали свой город — белили дома, делали покупки, в бухгалтериях колхозов и в управлениях крупнейших строек, заводов и комбинатов, словом, всюду, где трудятся и созидают советские люди, подводились итоги проделанного. Недаром на всех встречах и беседах, будь то на Ташкентском текстильном комбинате, в тихих кабинетах Союза писателей или в шумных аудиториях институтов, — везде люди говорили об этих итогах

— 170 миллионов метров хлопчатобумажной ткани мы дали к празднику! — говорили писателям рабочие Ташкентского текстильного комбината.

А сколько новых корпусов жилых домов, гостиниц, поликлиник, детских домов, преподнесенных людям к великому празднику, показывали гостям в древних и вечно молодых, как говорят поэты городах Узбекистана — в Самарканде и Бухаре.

В Бухаре секретарь горкома партии Б. Р. Аманова, перед тем как писатели поехали осматривать город, сказала:

— Обо всем древнем в нашем городе расскажет вам экскурсовод. А обо всем новом — я.

Писатели слушали ее рассказ о том, что дала Бухаре Великая Октябрьская революция, о том, как менял свой облик древний город, как зеленели улицы и площади, некогда пустовавшие от безводья, о том, какие заводы-гиганты, фабрики, многоэтажные жилые кварталы, кинотеатры и дворцы поднялись там, где до революции теснились плоские глинобитные дома, и, наконец, о том, что Бухара уже газифицирована. И этот ее рассказ, признаться, был не менее интересен, чем история памятников архитектуры.

Вечером 3 ноября, после возвращения гостей из поездки по республике, в праздничном похорошевшем Театре оперы и балета имени Алишера Навои состоялся большой заключительный вечер русской литературы в Узбекистане. Более тысячи читателей — узбеков и русских, украинцев и армян, казахов и евреев — представителей многих национальностей, живущих и работающих в Узбекистане, тепло приняли в этот праздничный вечер русских писателей — М. Светлова, В. А. Смирнова, С. С. Смирнова, В. Солоухина, С. В. Смирнова, П. Лукницкого, М. Максимова.

И не только о литературе говорилось на этом замечательном вечере. Не только своими творческими планами делились писатели. С трибуны звучали взволнованные рассказы о замечательных достижениях таджикского и узбекского народов.

Горячо *приветствовали* русских писателей первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов, старейший узбекский поэт Гафур Гулям, рабочий С. Климов и другие.

В необычайно радостный, светлый предпраздничный день приехали русские писатели в Узбекистан. А когда они прощались с ташкентцами, город уже полыхал алыми полотнищами и транспарантами, прославлявшими мир, труд и счастье!

А. ЯКУБОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ТАШКЕНТ

Ю. Смолич

Непременно в нашем...

Известный украинский прозаик Юрий Смолич написал к сорокалетию Великого Октября роман «Мир хижинам, война дворцам». Он посвящен борьбе трудящихся Украины за власть Советов. Сейчас писатель закончил вторую книгу этого цикла — роман «Ревет и стонет Днепр широкий».

В отрывке, который мы публикуем, рассказывается о второй встрече украинского большевика Юрия Коцюбинского с В. И. Лениным в канун Октябрьской революции. Ю. Коцюбинский — сын классика украинской литературы М. М. Коцюбинского — был комиссаром семеновского полка.

Роман «Ревет и стонет Днепр широкий» должен выйти в Декаде украинской литературы и искусства в издательстве «Радянський письменник».

Близость Смольного — штаба Революции, штаба восстания, ощущалась на много кварталов вокруг. И пройдя заставы красногвардейцев, которые долго, внимательно перечитывали мандат Военно-революционного комитета, Коцюбинский сразу же почувствовал, что попал в совсем иной мир, не похожий на тот, другой мир Невского проспекта, с витринами, залитыми светом, с толпами людей, то равнодушными, то встревоженными. Здесь, за Литейным, прохожие встречались совсем редко. И только в скверах и в больших дворах вокруг огромных костров толпились группы солдат. Это были литовцы и волынцы, они наблюдали за подступами к Смольному. Солдаты грелись у огня, не выпуская из рук винтовок. Огромные костры то притухали, то вновь вспыхивали — и тени над огнем то исчезали, то резко вычерчивались на мостовой, на стенах домов. Розовые отблески костров казались заревом близких пожаров.

В саду и во дворе Смольного тоже пылали костры, но здесь людей было больше — штаб восстания предусмотрительно выставил усиленную охрану. Темно-красный отблеск ложился на стволы полевых трехдюймовок, ярким малиновым рубином вдруг вспыхивало пламя в темных граненых зеркалах прожекторов, готовых в любую минуту засверкать ярким лучом. У ступенек главного подъезда стояли пулеметы, и красногвардейцы-часовые снова проверяли пропуска. Солдаты, матросы, гражданские потоком вливались в одну дверь и таким же потоком, только уже более бурным, стремительным, — каждый теперь спешил, выходя с полученным поручением, — выливались из другой двери.

Коцюбинский направился сразу на третий этаж, в помещение ВРК. Но продвигаться по коридорам Смольного было не так-то просто: коридоры от стены до стены были заполнены народом — одни шли в одну сторону, другие плыли им навстречу, то и дело открывались двери комнат: кто-то входил, кто-то выходил...

Многие сидели тут же, в коридорах, у стен на корточках, закусывая, или пили чай из металлических кружек. Клубы махорочного дыма плыли под потолком дворца, гомон сотен голосов наполнял все это огромное здание от края до края.

Волнение еще сильнее овладело Юрием. Здесь, в этом бурном людском потоке, в тесноте коридоров еще сильнее ощущались неукротимость восставших людей, их готовность к сражениям и неисчерпаемость этих людских потоков, словно не было им ни конца, ни края, и покидая дворец, уходя в мерцающую от зарниц темноту ночи, они сразу же вливались в бескрайное море, народное море страны.

Наконец Коцюбинский протиснулся на третий этаж, в комнаты ВРК.

В первой комнате не было никого — здесь, как всегда, стоял лишь стол да стул, а у стены — кровать: на нее иногда ложились вздремнуть часок-другой члены ВРК, которые вот уже сколько дней и ночей дежурили здесь. Сейчас кровать была пуста и даже не измята — спать совсем не было времени.

Коцюбинский приоткрыл дверь в другую комнату — оттуда слышались голоса.

Посреди комнаты стояла группа людей — Коцюбинский узнал их сразу. Свердлов, Дзержинский, Сталин, Урицкий, Бубнов — это был партийный центр для руководства восстанием. Похоже, что именно в этот момент и происходило совещание центра — прямо на ходу. В комнате были еще Подвойский — председатель ВРК и Антонов-Овсеенко с Чудновским. Им было поручено руководство боевыми операциями.

Дверь скрипнула, и все оглянулись. Подвойский махнул рукой Юрию и пошел к нему навстречу. И в эту минуту, когда Юрий вошел в комнату, он увидел у стены за спиной Подвойского человека. Он сидел на стуле, рядом с ним стоял другой стул, на котором лежала бумага. Наклонившись, человек что-то быстро писал. Это был Ленин.

Ленин в Смольном!

Да, всего лишь несколько часов назад, как только наступили вечерние сумерки, Владимир Ильич в сопровождении связного — большевика Рахья, приехал в Смольный. Из своей подпольной квартиры на Сердобольской Ильич проехал трамваем к углу Боткинской улицы и оттуда через мост, по набережной пришел пешком в штаб Революции.

Юрий *стоял*, затаив дыхание, и не мог оторвать взгляд от Ленина — второй раз за это время видел он Владимира Ильича. Мысли, обгоняя одна другую, проносились в его голове: Ленин здесь, не в подполье, а здесь, лично руководит всем! Значит, восстание не за горами, — возможно, через несколько часов, нет, может быть, даже через несколько минут...

Тем временем Подвойский взял его за руку и потащил прямо к Ленину. Ленин, почувствовав на себе взгляд, оторвался от работы.

— Ты быстро добрался! — возбужденно говорил Подвойский. — Молодец! Вот, Владимир Ильич, товарищ из газеты уже прибыл.

— Очень хорошо! Прекрасно! — сказал Ленин и вскочил со стула. В левой руке он держал листок из блокнота. — Вот это нужно немедленно передать в типографию! — Он протянул руку, и Коцюбинский почувствовал ленинское рукопожатие, доброе и в то же время сильное, энергичное. — Это в номер! Непременно!.. — Сказав это, Ленин на секунду умолк. — Но если стереотипы уже в машине, останавливать не нужно: напечатайте отдельной листовкой и вкладывайте в каждый номер газеты. Именно так! Так будет даже лучше.

Коцюбинский уже взял бумажку, но все еще смотрел на Ленина. Конечно, сейчас совсем не до разговоров, но ему казалось, что он уже говорит с Лениным — не только смотрит, а говорит — спрашивает Ильича и отвечает Ильичу.

Ленин, поглядев на Коцюбинского немного удивленно, но пристально, сказал:

— Да вы прочтите. Копию я себе оставил, но, знаете, на всякий случай — вдруг по дороге что-нибудь случится, и вы не сможете донести бумажку — донесите в памяти...

Коцюбинский прочел:

К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете
рабочих и солдатских депутатов.

Наконец, свершилось!

Теперь Коцюбинский не мог оторвать своего взгляда от клочка бумаги, исписанного быстрым, размашистым, но твердым ленинским почерком. Восстание началось! И победа обеспечена! Так сказал Ленин...

Услышав голос Ленина, Юрий пришел в себя. Ильич торопливо, но приветливо сказал:

— А я вас знаю! О, я очень хорошо вас помню, товарищ... Коцюбинский! Украинский большевик! Достойный сын своего достойного отца! — И Ленин вдруг весело засмеялся. — Странная вещь! Вы словно бы провожаете и встречаете меня! С вами едва ли не последним я виделся, уходя в подполье, и вы едва ли не первый, кого я вижу, возвратившись оттуда...

Коцюбинский не успел даже ответить улыбкой на улыбку — где уж там словами на слова! — а Ленин уже не смеялся, а говорил сурово и озабоченно:

— Идите, идите, батенька! Торопитесь! Дело не ждет!.. Нам еще тут нужно многое обсудить и решить!.. Печатайте обязательно отдельной листовкой и распространяйте массово: пятьдесят тысяч, сто тысяч, *сколько сможете!*

Он пожал руку Коцюбинскому и сразу же направился к товарищам, стоявшим посредине комнаты и продолжавшим увлеченно, встревоженно разговаривать. Но, оглянувшись, Ленин крикнул Коцюбинскому, который уже стоял на пороге:

— И не забывайте нашего с вами разговора: на Украину! Как можно скорее на Украину! Там вы очень нужны! Желаю вам успеха!..

— О типографии позаботится сам Уралов! — скинал уже на пороге Подвойский. — А ты возвращайся к семеновцам и ожидай распоряжений: полк должен быть готов к выступлению в любую минуту.

Дверь закрылась. Коцюбинский остался один в небольшой пустой проходной комнате с неизмятой кроватью у стены. За приоткрытой в коридор дверью слышался гомон безбрежной толпы в коридорах Смольного. На минутку Юрий остановился — казалось, только для того, чтобы перевести дыхание: он ведь так и не взлохнул ни разу с той минуты, как увидел Ленина, *склонившегося* над блокнотом. Боже мой! Он даже и словом не обмолвился с Ильичем! А Ленин ведь так много ему сказал! Так много! Сколько минут разговаривал с ним Ленин? Пятнадцать, двадцать, полчаса, целый час? Казалось, этот мимолетный, двухминутный разговор длился долго-долго. А начался уже давно, даже трудно вспомнить, когда...

Перевели с украинского
И. КАРАБУТЕНКО и А. ОСТРОВСКИЙ

Советский характер

Мне очень понравились Наташа!

Я получил от нее письмо в конце прошлого года и ответил на него. И получил второе письмо.

История вполне обычная и все-таки каждый раз необыкновенная. Человеку исполнилось семнадцать лет. Человек задумался о жизни. Еще мгновение, и человек готов сделать шаг в эту жизнь, необычайную и многошумную, наполненную горячим запахом работы.

Что же смутило вдруг человека?

«Судя по книгам, энтузиазм есть, но... Может, хорошее действительно есть, но... Все как-то проходит стороной. Это где-то там, не у нас. А папа говорит: зачем тебе строительство? Иди на тихую работу, занимайся науками. И это говорит папа, чья жизнь была сплошными лишениями. Значит, он что-то смыслит в жизни. Он хочет добра. Хорошо, я буду стараться работать по-настоящему. Но другие люди...»

Что бы вы, товарищи, ответили человеку?

Ведь вроде ответить совсем не трудно, но... И я задумался. Как убедить человека в своей правоте, как прямо до души донести свои контрфакты?.. А может, проще найти примеры из собственной жизни...

Стал вспоминать. Нет. Наше поколение входило в жизнь как-то неудобнее, но тверже. Может оттого, что нам приходилось меньше выбирать. Мы смутно представляли, что нам хочется, нам просто хотелось работать. Мы были дети войны, чьи характеры лепились из суровой военной любви.

До войны мы мало себя помним. Когда начали понимать, то первое слово, которое восстанавливает память, — война. А посчитай, кончилось это слово, мы оказались взрослыми и с трудом привыкали звать вернувшихся с фронта отцов отцами.

Угловатые ребята четырнадцати лет, встретились мы впервые в проходной завода. В обходных листках значилось, что направляемся мы слесарями третьего разряда. И оттого, что день первого послевоенного года был до изумления голубой, а мы входили в него рабочими,—жизнь казалась веселой и прочной штукой. И тут я вспомнил о других сверстниках, о тех же чудесных ребятах, которые сегодня строят домну — Комсомольскую, прямо в том городе, где живет Наташа. Я написал им. Я просил найти эту девушку, просил помочь ей... Просил... Впрочем, вот все письма. Судите сами.

Человеку исполнилось 17...

Письма Наташи

Здравствуйте, Анатолий!

Я расскажу, как узнала о Вас.

Этим летом я ездила в Крым к своей двоюродной сестре. Ей, как и мне, 17 лет. Она очень любит литературу, и от нее я многое узнала. Она говорила мне, что знакома с Вами, и обратила мое внимание на Ваши рассказы в «Юности» и стихи. Сейчас я учусь в 10-м классе — неплохо, правда, уже схватила тройку по французскому (остальные все-таки пятерки, четверок поменьше). Класс у нас шальной — дружный, но озорной. Мы с огоньком строили школьный стадион и собирали металлолом, а учимся еще не как следует. Все очень любят читать, особенно мальчишки.

В нашем классе есть эстрадный ансамбль. И вот его руководитель, тоже наш ученик, очень способный, сочинил музыку к вашему «Ландышу». Я, конечно, не смею утверждать, что у него здорово получилось. Но, сами понимаете, если мальчишка, озорной и грубоватый, взялся сочинять музыку к стихотворению, значит, оно его проняло. Так ведь?

И последнее. В «Сибирских огнях» мы прочли Вашу повесть «Мои современники». Некоторые места хороши, другие — чуть похуже... Только... *один вопрос.* Я не собираюсь утверждать, что права. Наоборот, я была бы рада, если бы Вы убедили меня в том, что поступки Ваших героев верны **и типичны.**

Вы пишете, что очень многие ехали на стройку по своему желанию, прославляете труд, коллектив. Я охотно верю каждому Вашему слову (но и не только Вашему, разумеется). Но беда в том, что я очень мало знаю жизнь и не могу понять — кому и чему верить. Судя по книгам, энтузиазм есть; есть горячая, трудовая, настоящая жизнь. Но наблюдаю:

У нас строится Западно-Сибирский комбинат, строится домна — Кузнецкая-Комсомольская. И вот слышу, что говорят люди. Никто не хочет там работать — трудно, а заработки *плохие.* Хотели мы всем классом поехать в Новосибирск на зимние каникулы. На поездку нам нужны деньги. Пошли в райком просить работу. Нам предложили домну. Мы сразу *договорились,* расспросили. Людей не хватает, нас с радостью приняли — как-никак 30 человек. Когда наши узнали, что будем работать по 2 часа через день (сущая безделица при экономной трате времени), половина работать отказалась. Другую половину испугали мамы и папы. И к первому «рабочему» дню осталось добровольцев 4 человека. На домну мы не пошли — зачем смешить народ.

Вот Вам и патриотизм. И ехать никуда не надо, никаких трудностей преодолевать, только немного силы воли, чтобы не тратить зря времени, а испугались.

Мои мысли: хочется верить, что хорошее действительно есть, да, оно есть несомненно, но все как-то проходит стороной. Читаем, слышим по радио, а вокруг *себя не видим.* Так что это — *слепота или* хорошего действительно не так уж много?

Вы взрослый, опытный человек и, наверное, улыбаетесь, читая письмо какой-то наивной девчонки. Но сейчас у каждого из нас в голове мыслей ой как много! Стараемся найти, где же суть? Что хорошо и что плохо?

Знаю, что вы заняты, но все же очень прошу ответить мне.

Адрес: г. Сталинск. Средняя школа, 10-й класс. Всего доброго. Желаю дальнейших успехов во всем. С приветом

Наташа С.

Здравствуйте, Анатолий!

Вашему письму я очень рада. Я его уже почти не ждала. Большое за него спасибо.

Хочется написать Вам очень многое. Но я думаю: будет ли это правильно писать незнакомому человеку то, что расскажешь не каждому. Я рискну. Конечно, Вы знаете гораздо больше меня и Вам мои размышления могут показаться смешными. Что ж... Пусть.

Я и без Вас знала (не сочтите за грубость) то, что в жизни хорошего хватает. Плохого не больше, а оно виднее. Труд, творчество — эти радости я немного знаю, хотя настоящим физическим трудом не занималась. Я не сомневаюсь, что это должно составлять главное счастье. Но я *спрашивала* Вас немного не о том. Я писала о людях.

Я верю Маяковскому, что великие энтузиасты строили наш город и завод. У них была вера в будущее. Недавно мы были в музее строительства завода. Да! Это был такой грандиозный труд, что его не совершить слабым людям. Сейчас строят Западно-Сибирский. Должно быть, такие же энтузиасты. Уверена, что и на Братской ГЭС тоже хорошие люди. Но, понимаете, это где-то там, не у нас. Вы, наверное, думаете, что это мы не там. Да, это конечно. Но возражения у меня есть. Мы работали на заводе в прошлом году. В цехе эмальпосуды. Работа эта нам ничего не дала. Мы только увидели, как там работают: никакого огонька, во время работы рассказывают неприличные истории или в лучшем случае: «Он говорит: «Валюха». А я говорю: «Чё!..» Ну и в таком духе. Или это один такой цех?

А почему наши родители не пустили нас работать: «Что вы, там знаете, как тяжело! Покопаете и не захотите больше. Сейчас надо учиться!»

Даже мой папа. Работает в институте. Преподает сопромат. Я его очень уважаю. Он всю жизнь очень хорошо учился, сейчас хорошо работает, студенты его любят, хотя у него сопромат. И мой папа говорит: «Ну зачем тебе завод или строительство! Намаешься, грязная, как черт, денег нет и жизни не будешь рада. Иди на физику металлов. Специальности лучше не придумаешь. Ни плана тебе, ни грязи. Наука новая. Сиди, исследуй. Спокойно, хорошо. Накопил денег — попутешествовал. Приехал — работай. И науке *польза,* и тебе».

Это говорит мой папа, который трех лет лишился родителей, жил у брата в деревне. Учился и все делал по хозяйству, пахал, косил, жал. Еще ребенком! Поступил в техникум (сдал на отлично). Учился вечером и работал днем. Затем снова работал и учился в институте. Война. Приехал сюда. Работал уже конструктором и учился. Институт закончил с отличием и остался работать здесь.

Жизнь не из легких. Значит, папа коечто смыслит в жизни. А я — птенец, я возражаю ему. Конечно, он воспитывал меня, как надо: не белоручкой и не легкомысленной какой-нибудь. Мы с ним друзья. Он хочет мне добра. От трудностей заслоняет (от больших). Прав он?

Трудности воспитывают? Нужно ли их искать, если все очень хорошо? Конечно, трудностей искать глупо, они всегда есть. Я говорю о физических трудностях — изнурительный труд и т. д. Между прочим, папа говорит: человек, который не голодал, — не человек. Он не знает цену жизни. Но... меня от голода оберегает.

Или возьмем наш класс.

Что ни ученик, то талант. Или музыкант, или артист, или радиотехник, или художник, акробат, спортсмен, певец, или просто очень хороший, веселый, трудолюбивый человек. Особенно много у нас спортсменов. Один — чемпион по лыжам, другой — по бегу, третий — по шахматам, четвертый — по конькам, и часто в районном или городском масштабе. Команда нашей школы по шахматам почти целиком состоит из ребят нашего класса, а занимает 2-е место *по городу.* По волейболу и баскетболу — то же самое. Видите?

Поверите ли, что все ленивы? Успеваемость для десятого класса плохая. Дисциплина тоже. Ребята горячие, дельные. Диспут — так говорят здорово, умно. Уборка школы — придут почти все и так выбелят класс, что диву даешься. А подготовить вечер — туго, не хватает духу. Я хочу сказать, что мы способны на стихийные дела. А на *упорную работу не способны.* Ослабевает интерес, и все. Мы себя не заставляем. И ведь каждый понимает, что это плохо. А заставить себя — лень.

Что же с этим делать? Ну, положим, с собой я *справлюсь.* А как с ними? Я легко зажигаюсь. У меня работа — это ряд вспышек. Вы не сможете посоветовать что-нибудь существенное?

И еще папа говорит (все папа, папа, да?..), что кого-то воспитывать, заставлять — глупость. Нужно самоусовершенствоваться. Читать, заниматься. Знать как можно больше. Быть человеком большой эрудиции. Насчет последнего — я согласна. Но первое: я буду жить не одна. А если люди равнодушные, инертные, то какое же мне счастье с моими знаниями?

В жизни слишком много эгоизма. Все настороженны по отношению друг к другу. Сколько злости! *Равнодушия.*

Я-то буду стараться работать, жить по-настоящему. Но люди...

Ах, не подумайте, что мне кажется, что во мне что-то особенное. Нет! И во мне недостаточно твердости, силы воли. Но пока я знаю только одного человека, уверенного в жизни, знающего очень много: это папа.

Почему же я не советуюсь с ним? А я с ним почти не советуюсь. Просто во время частных бесед он говорит, как надо жить, каким быть. Для откровений я считаю его слишком умным, слишком уверенным да и... слишком взрослым. Он хороший психолог. И слишком близко. А вдруг поймет абсолютно все? Как это ни странно, а я этого не хочу. Ведь он же папа...

А сказать по секрету, у меня будто два взгляда на жизнь: отрицательный и положительный. Первый — для плохих случаев, второй — для хороших. Когда мне плохо (я это чувствую), я знаю, что жизнь не так уж плоха. Когда мне хорошо, я помню, что она не всегда радостна. Не будет ли это каким-нибудь там... «приспособленчеством» или «двокостью», или как-нибудь по-страшному называться?

До свидания.

Если я что-нибудь неуклюже написала с литературной, стилистической точки зрения, простите.

С уважением к Вам

Наташа С.

ПИСЬМА БЕТОНЩИКОВ С КОМСОМОЛЬСКОЙ ДОМНЫ

Здравствуйте, Анатолий!

Получили мы Ваше письмо — очень хорошее. Обсуждали. Тема злободневная: мы часто спорим. Хочется получить ответ на сотни вопросов неразрешенных. Кстати, я представлюсь Вам — Ольга Артемьева, член комсомольского штаба на строительстве доменной печи (нашей Кузнецкой-Комсомольской), а вообще секретарь комитета комсомола СУ-11 — генерального подрядчика в строительстве доменной.

Письмо долго читали, спорили, решили дней через пятнадцать провести собрание. За эти дни провела собрания во всех комсомольских группах. Все дни говорили об одном и том же: о Наташе С., о чертах героя нашего времени и о другом. Завтра собрание. Очень волнуюсь — уж очень необычно оно: ни подготовки, ни постановления.

Познакомилась с Наташей. Очень подружились. Она славная. Мне показалось, что есть в ней что-то от Татьяны Лариной. Пригласили ее на собрание, прямо на домну.

Мои ребята-комсомольцы выпустили спецвыпуск к собранию «Искать романтику в буднях». Ребята живо откликнулись на призыв газеты: «Ну как, ребята, развеем ее сомнения?!» (Наташи, разумеется).

Я привожу высказывания ребят.

* * *

«Романтика... Это слово связано с горячим блеском глаз и взволнованным биением сердца, с мечтой о больших делах и дальних дорогах, с нашей неповторимой комсомольской юностью. Я, не задумываясь, назвал бы юность свою бледной и неполноценной, если бы она была лишена ритмичной дроби колес бегущего на Урал молодежного эшелона, захватывающей радости и гордости за металлическую дымку новых домен и мартенов, гордости за каждый новый метр пути и каждый отвоеванный у пустыни гектар земли.

Все реже и реже встречаешь на пути тлеющих, кислых и ватных спутников. Молодежь приходит в глухую тайгу, где раньше не ступала нога человека, а уходит, оставляя за своими плечами новые города, заводы, рудники, шахты. Уходит в другие, такие же необжитые места, чтобы строить, строить. Часто приходится слышать, что мирная жизнь не дает материала для лепки сильных, масштабных характеров, что в наших буднях нет героев, что такие замечательные слова, как романтика, счастье, верность, любовь, просто придуманы, правды нет и т. д. Что можно сказать о таких людях? Всего-навсего, что они не видят дальше собственного носа. Я не хочу к ним относить Наташу С., не сумевшую увидеть героику нашей комсомольской стройки. Она еще молода. Хорошо, что Наташа ищет ответ на волнующую тему; не сидит сложа руки, так как самое страшное в жизни — равнодушие и безразличие. А «кто ищет, тот всегда найдет»; найдет свое призвание и Наташа. И она узнает, что не деньги звали в тревожную даль сердца молодых.

И на шершавистой коже
Даже за несколько дней
Стала увереннее, строже
Линия жизни моей.

Плохо, что Наташа не сумела увидеть в этих парнях и девушках качеств, достойных подражания. А ведь эти парни и девушки, все мы связаны между собой всей нашей жизнью, влюблены в одно великое дело.

У каждого своя дорога к счастью — дорога не торная, не всегда короткая, но верная, если идти по ней с ясной целью, с открытой и чистой душой».

Так написал бетонщик Леня Шкарин. Ниже он привел свое стихотворение «Первый шаг» под псевдонимом Л. Хмурый. Очень хороший, наш Леня!

Повел беседу с Наташей и Леша Комов.

Вот его раздумья:

«Тема серьезная, материал обильный, коль спор ведут романтики. И я скажу словцо. Невеселые мысли Наташи заставили меня задуматься. Кто виновен в том, что она могла сделать такие неутешительные выводы? Деньги — вот-де на чем многое держится. В кино и в книгах, мол, показана жизнь такой, какой она должна быть, а не настоящая.

Ребята, разве можно согласиться с Наташиными открытиями? Героев нет. Вздор! Их сейчас много, как никогда раньше. Поэтому я трудно выделить кого-то отдельно, чтобы сказать: «Вот он — герой». Герои рядом: простые скромные труженики, сами, конечно, они и не подразумевают, что достойны такого высокого названия.

Это всем нам знакомо,
Мы прошли через это
По путевке райкома
Въехать в знойное лето.

С волнением вспоминаю зиму, когда Москва провожала в дальний путь на освоение целины молодежь Калининского района. Провожающие с завистью смотрели на уезжающих, поздравляли, а самое главное, верили в нас. И вот уже пять лет целинный совхоз «Калининский» дает Родине ежегодно около миллиона пудов добротной алтайской пшеницы. Что, Наташа, и в этом не видишь геройства? С целины меня взяли в Советскую Армию. Вернувшись в Москву после службы, я не переставал мечтать о Сибири, о большой стройке, о беспокойных друзьях-романтиках. Сейчас мы строим нашу «Кузнецкую-Комсомольскую». Да, Наташа, представь себе: я здесь нашел то, о чем мечтал в Москве. Трудно, радостно, интересно жить в наше время. Не сомневаюсь, что и ты найдешь самое себя, будешь гордиться своим трудом и, может быть, с улыбкой вспоминать о своих былых сомнениях и заблуждениях. А может быть, в скором времени, надев рабочую спецовку, ты скажешь плачущей маме, мечтавшей увидеть дочь педагогом или доктором:

Ну что ты? О чем ты, мама?
Плакать об этом не стоит.
Ведь жизни своей фундамент
Дочь начинает строить».

А вот о чем говорил Наташе Алик Тимонин:

«Заблуждающиеся люди часто склонны рассматривать в прямо пропорциональной зависимости деньги и романтику, чем наносят незаслуженное оскорбление молодежи. Явный бред! Романтика в рублях не исчисляется. И как обидно, что в их руках находятся весьма убедительные аргументы, опровергнуть которые всегда нелегко. Они могут утверждать: все вы романтики, пока получаете длинные рубли, а случится так, что остригут эти рубли — и засверкаете пятками. Вот и докажи, что все не так! Сбегут один-два «патриота», а этих лилипутов иные превращают в «типичное явление».

А попробуйте предложить нашим ребятам полуторатысячные оклады и теплые места, но вдали от домны, многие ли согласятся оставить ее? Да вас освищут и дадут такой «поворот от ворот», что всем чертям тошно будет! Я не верю, что Наташа сама пришла к такому пессимистическому выводу, несомненно, сыграла в этом немалую роль услуга скептиков».

Заключает этот разговор Володя Крылов:

«Несчастье на домне (имеется в виду авария) вышибло меня из нормальной колеи. С небывалым упорством работали мы на разборе завала, сознавая всю важность и неотложность этого дела. Но вот, когда разобрали завал, многим показалось, что мы здесь стали лишними людьми. Работы пошли самые незавидные: очистить стройплощадку — мусор, мусор, мусор. Бесконечные думы раздирали душу. Мечты о первом чугуне, о больших делах, и вдруг — мусор! Результат — подал заявление на расчет. Преодолев барьеры: старшего прораба, комсомольский штаб, начальника управления, держу в руках обходной лист. Еще день — и я уже никогда не подойду к своей домне, которая стала главным в жизни. Проходная холодно повернет назад, как чужого. Подхожу к ребятам своей бригады, их узнал еще в Москве, в горкоме комсомола, которые стали за девять месяцев близкими и родными. Они бьют мерзлую землю, и, кажется, взгляд каждого говорит: «Струсил? Бежать?!» Таким одиноким я еще не чувствовал себя никогда в жизни. Кажется, все смотрели на меня, как на дезертира. «Не туда идешь, — шепчет совесть. — не туда».

Кусочки обходного листа разметал ветер, и на душе стало так хорошо и легко! Я переживал свое второе рождение. И с ужасом думал о том, что мог потерять и друзей, и никогда больше бы не увидел нашей «Кузнецкой-Комсомольской», и навсегда бы закрепил за собой титул труса.

Поймешь и ты, Наташа, какое счастье жить в такое время, с такими людьми, на такой земле».

* * *

Вот я привела некоторые из высказываний наших ребят.

Это же замечательно, Анатолий, правда!

Завтра собрание. Ребята ждут его. Предстоит большой спор.

Вы пишете о встречах самых обыкновенных, людях самых обыкновенных языком самым обыкновенным. У меня жизнь очень интересная, в свою работу я просто влюблена, а вот написать об этом не смогла бы. Просто не сумела бы. Я прощаюсь с Вами. Хочу прочитать ответ — хоть лаконичный. А вообще можете не отвечать. Ведь, собственно, и не на что.

О. АРТЕМЬЕВА

* * *

Мне полюбились заочно энергичные ребята и девушки со стройки домны. Их просто замечательные, удивительной силы и логики письма. И можно оправдать их горячность — не от того ли она, что вопросы эти больно волнуют всю нашу молодежь.

Да, жизнь — это трудно! Очень трудно! Наташа это поняла, не сделав еще решающего шага в эту жизнь. И было бы преступлением скрывать, что после школы ее ждут десятки проблем, которые, кроме нее, не решит никто.

Да, мне кажется, и комсомольцам со строительства домны подчас нелегко. Но не потому ли они выступают правыми в этом споре, что поняли для себя то главное, что делает Человека большим и сильным на всю жизнь. И без чего, по-моему, жить нельзя. Они поняли красоту труда, по которой мы узнаем истинную цену человеку, его полезность и нужность обществу.

Наташа — думающий человек и, на мой взгляд, честный, раз сумела написать такие письма. Я верю, что она найдет с помощью новых своих друзей это самое главное.

У нас больше не было переписки.

Я не знаю, как произошло знакомство девушки с комсомольцами, о чем говорилось на комсомольском собрании, куда пошла работать Наташа...

Но мне очень хотелось бы как-нибудь заехать в город Сталинск, разыскать моих новых друзей и продолжить этот рассказ о них. Про удивительных ребят с домны, про их влюбленную в свое дело двадцатилетнюю девушку-комсорга и про хорошего Человека Наташку, которая, может быть, сегодня делает свой первый и решающий шаг.

Анатолий ПРИСТАВКИН

ХОРОШО!

«Сеют... доят, пашут...» Писал это Маяковский в 1927 году, когда страна находилась только лишь на подступах к коллективизации. Какие слова нашел бы поэт, если б знал о подвиге нашей молодежи, вдохнувшей жизнь в целину!

В. КОЖЕВНИКОВ

СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

РАССКАЗ

ЗВЕРОБОЙНАЯ шхуна «Нерпа» только что вернулась с промысла и встала на рейде острова Диксон, громыхнув якорными цепями.

Мачта и палубные надстройки суденышка обросли льдом. Флаг на корме косо примерз к флагштоку.

По всему видно, шхуну сильно потрепало в океане.

Мне посоветовали отложить посещение корабля, пока люди на нем не приведут себя в порядок.

Не истаявший за лето снег лежит в ржавых расщелинах скал фаянсовой твердости пластами.

Сизый, вязкий, пенистый туман шевелится в бухте, словно какое-то гигантское рыхлое морское животное.

Фиолетовые низкие тучи плывут над островом, раздирая мягкое брюхо в металлической чаще антенн.

Говорят, нигде пространство не вызывает столь пронзительной тоски у свежего человека, как в Заполярье.

Остров Диксон — конец, край земли и начало владычества океана. На острове — вызывающе против черной мглы полярной ночи — дома покрыты голубой и розовой штукатуркой.

Возле общественных зданий в грунте, привезенном с материка, посеян овес в качестве газона.

Как и всюду на земле, так и тут все относительно, все познается в сравнении.

Для меня этот остров — последняя точка земной тверди перед океанской беспредельностью. Для зимовщиков и моряков Диксон — юг, центр заполярной цивилизации, столь же привлекательный, как для подмосковного жителя столица.

В середине поселка, на перекошенном скалистом пространстве, вспученном валунами, в туманной мгле идет футбольное состязание.

Задача игрока — не только обвести противника, но и торчащие валуны.

Когда мяч уходит в аут, его ищут с электрическими фонарями. Уличные киоски торгуют мороженым, ромашками в горшках. Из парикмахерских выметаются войлочные кучи волос командировочных, прибывших из Арктики.

Покупатели в книжных магазинах ведут себя со свирепой жадностью. Нигде я не видел столь бойкой и страстной книжной торговли.

В дощатых промтоварных магазинах такой же ассортимент, как и в Москве.

В просторном зале ресторана — редкостное изобилие электрических ламп. Световая роскошь, особенно ценимая в периоды длинного мрака полярных ночей.

Энергичные зимовщики — студенты-заочники атакуют почтовое отделение заказными пакетами.

Диксон — перевалочная база для заочников. И самый драгоценный груз, который уходит с острова на материк, это почтовые тюки на адрес высших учебных заведений от студенческой аудитории, простирающейся до самого Северного полюса. Здесь хвастают не только количеством сданных медвежьих и песцовых шкур, но и сданными зачетами.

Нужно было забраться на край земли, чтобы слушать те же самые разговоры, какие можно услышать в период экзаменационной сессии в сквере у подножия величавого дворца МГУ!

Авиация сильно дискредитировала понятие о пространстве. На острове — те же фильмы, которые идут сейчас в Москве и Ленинграде. «Смотаться» в Москву и Ленинград для жителя Диксона значительно проще, чем иногда добраться в пургу на тракторе на зимовку километров за сто от острова на побережье океана.

Отпускники, вернувшиеся из Сочи и Крыма, в первые дни зябнут и кутаются по-зимнему. Местные граждане гуляют по дощатым настилам центральной улицы с непокрытой головой, в легких плащах, в сандалетах. Мамаши с достойной важностью толкают впереди себя нарядные хромированные коляски с младенцами. Торгующие организации засылают мотоциклы и мотороллеры, а вот детские коляски жителям приходится импортировать из столичных центров.

На доске объявлений приколоты кнопками листочки с написанными от руки текстами: «Куплю детскую коляску — двойняшек или хотя бы на прокат — две», «Продаю отъездом подписные собрания сочинений русских и иностранных классиков, собачью упряжку, трехстволку «Зауэр, три кольца», «Интернат купит микроскопы, теодолит, кварцевые лампы для солярия», «Куплю аквариум», «Связи временной командировкой (на два года) желаю передать на сохранение комнатные цветы только любителю или общ. организации», «Куплю кошку».

Я бродил по дощатым настилам городка, и низкие космы тумана волоклись у ног, как поземка.

Все время я пытался остро ощутить гигантское расстояние, которое отделяло меня от дома, грозное пространство Заполярья. Но никак не мог вызвать щемящего чувства дали.

Здесь, как и всюду на советской земле, существовала та обыкновенность, которая мешала возникновению этого чувства. И то, что здесь строили новую ТЭЦ на три тысячи киловатт, и банно-прачечный комбинат, и новый стадион, и новые жилые дома, и возле здания райкома и райисполкома стояла доска почета с портретами лучших людей города, — все это как бы стирало особые приметы пространства. Но вот, когда я вышел за пределы городка и пошел напрямик по мшистой, дряблой земле, очень скоро глазам моим открылась окоченевшая мертвая пустыня.

Перед этой пустыней тропические джунгли не что иное, как парниковая роскошь, пески Сахары — пляж.

Из болотной топи торчат черные макушки подземных диабазовых скал, рассыпаны округлые гигантские валуны — истертые каменные подшипники ледников. Какие-то хрящеватые, бледно-зеленые, полупрозрачные, длинные, как водоросли, растения, то сплющенные, словно присосавшиеся к земле, то мягкие, как плесень, то жесткие, как кораллы. Пейзаж дна океанских глубин — вот что такое осенняя тундра... И если Арктика — ледяное темя планеты, то вечная мерзлота — ее гигантское подземное хладохранилище.

Здесь от почвы веет холодом, будто из распахнутого погреба, набитого льдом.

Каждое лилипутное растение своей борющейся жизнестойкостью геройчно и восхитительно, как подвиг.

Я бродил по влажной хляби мхов, между каменных россыпей и овражных ям, заполненных до краев увесистой талой водой вечной мерзлоты. Под слоем мха лежали пласты желтого, словно старое сало, снега, твердого, как песчаник.

Округлые облака ползли по этой земле гигантскими комками плесени. Я входил в облако, и меня охватывали белый сырой мрак и ощущение брезгливости, как от прикосновения склизистой медузы. Я испытывал страх, боясь заблудиться в облаке, свалиться в бочаг с отвесными рыхлыми стенами.

Озябнув, промочив ноги, я снова выбрался на деревянный настил улицы, и сильные электрические фонари, светящиеся в дневном тумане, обрадовали, как солнце.

Среди груды черных камней на острове расположены здания научно-исследовательской обсерватории, радиометеорологической службы и «штаба» арктической навигации, куда я поднялся на второй этаж по узкой деревянной лестнице, чтобы узнать, будет ли какая-нибудь возможность попасть на судно, следующее в караване по Северному пути в Мурманск.

На длинном столе лежала распластанная карта Арктики. Вокруг нее почтительно стояли навигаторы в черных флотских мундирах.

Коренастый человек с тяжеловесным профессорским лицом, озабоченно склонившись над картой с остроконечным циркулем в руке, напоминал хирурга в решающий момент операции.

В проливе Вилькицкого сейчас шел караван судов, и туда ломились ледяные поля, по площади равные Исландии.

Капитан-наставник, старый моряк, чопорный и надменный, словно английский лорд, в ярко начищенных генеральских ботинках, только что вернувшийся с длительной воздушной разведки, потирая ладонью подбородок, жаловался на то, что в связи с сильной болтанкой не смог чисто побриться в самолете. Он был чем-то взволнован и явно скрывал это.

Но когда небрежно, лаконично и точно он стал объяснять мне ледовую обстановку в проливе, я понял причину его расстройства. Некогда капитан плавал на знаменитом ледоколе, который находился сейчас в составе каравана. И вот сегодня этот корабль трижды затирало льдами, и нынешний флагман арктического флота атомоход «Ленин» трижды возвращался и обламывал вокруг прославленного корабля шестиметровые ледяные толщи, чтобы освободить ледокол из ледового плена.

Капитан сказал доверительно:

— Я начал службу на флоте сорок лет назад кочегаром, а теперь заканчиваю ее тем, что завидую тому, кто начинает свою службу у котлов атомного реактора.

Помедлив, он сообщил задумчиво:

— В двадцатом году, во время голода, чтобы доставить хлеб людям, наша дружина водолазов подняла с затопленных германскими подводными лодками пароходов 3500 тонн угля. На этом угле мы пошли из Архангельска — целая флотилия во главе с флагманом «Георгием Седовым». Чтобы дойти до Диксона, мы спалили в топках все, что могло гореть на корабле. — И заключил с печальной иронией: — Для нынешних атомщиков это только исторический анекдот.

Подойдя к распластанной карте, не склоняясь над ней, заложив руки за спину, он спросил:

— Ну что вы тут колдуете, капитаны? Я же доложил: колотит ледяное поле напролом. Взглянешь сверху — вместо ледовых полей мозаика, — усмехнулся, — мы только морячки, а там физика.

Никто не ответил старому капитану. Он пожал плечами и, обратившись ко мне, объявил бодро:

(Окончание на 4-й стр.)

советский характер

Юрий КУРАНОВ

РУСЯ

Октябрьские облака

К морю, как старые опаленные знамена, во все небо идут облака. Между облаками и городом неугасимый ветер.

В шуме ли ветра, в гудении ли гигантского города слышится музыка. Она о том, как ликующе гремели выстрелы ворвавшихся под сырые своды Бастилии, как тяжко рихнула Вандомская колонна, как величаво в своем печальном бессмертии прозрачное пламя возле Невы над братскими могилами Марсова поля, как гулко лопаются стекла в дворцах всего мира после короткого залпа «Авроры».

К ночи бесчисленные толпы народа с огнями выходят на проспекты. Где-то на мостовой перед заводом рабочие сколачивают из фанеры угловатый неуклюжий трактор, поперек радиатора которого написано красное слово: «Даешь». Над городом медленно пролетают аэропланы. Кажется, светящаяся вода залива вступает в предпраздничные берега улиц, в гордые каменные переулки. В глазах толпы отражаются ликующие окна домов.

Отец за руки ведет Русю сквозь этажи на крыши. Еще с чердака Руся видит, как Кронштадт величественно подпирает жерлами своих прожекторов длинные алые облака.

Руся смотрит, Руся слушает гул города и неумело, по-детски думает о счастье.

Счастье

Русю вывели из старой березовой избы под фиолетовое утреннее небо. Она отбросила руки чуть назад и пошла.

Сзади, чавкая широкими сапогами с короткими голенищами, шли солдаты. Они отрывисто переговаривались друг с другом на жестком чужом языке.

Вдалеке стоял народ, босиком, ежась от сырости. Все смотрели на Русю. Руся шла, а солдаты спешили за ней.

Руся встала далеко за деревней на пригорке и подняла голову. Она смотрела на восход. На востоке гремела гроза. Солдаты встали вблизи и защелкали автоматами. Руся отвела руки чуть назад и так и осталась стоять в небе на пригорке.

Ночью кто-то осторожно принес к ее ногам цветы. Потом люди пришли к ней открыто и, стоя без шапок, говорили слова клятвы.

Вот и ходят люди к ней за деревню, когда в сердце поднимается клятва.

Так пролегла здесь дорога.

Дороги России

Это с дорогами выросло: бесконечные дали кварталов, стеклянные чащи домов, длинные белые склады, элеваторы, похожие на замки и на заводы одновременно, глубокие рвы, багровым залитые шлаком, и небо над рвами багровое.

Дороги знают, о чем молчат долины сражений, о чем гудят алые чрева мартенов, о чем поют сердца верхолазов и о чем мечтают эти подростки, до поры до времени гоняющие в небе голубей.

И пусть наши дороги иногда задумываются о топазовых закатах Океании, о резных прозрачных сооружениях Индии, о залитых светом и легким говором полянах Булонского леса, но наши дороги не там замирают от счастья.

Они замирают, когда несут из глубин драгоценные ноши России. Это по ним прошагал в Москву Ломоносов, и на них же, завернувшись в шинелки, — не так уж давно — перед боем похрипывал Теркин.

Кто там смотрит вдали — выбирая ль дорогу, озирая ли землю? Дай нам руку, пошагаем по нашим дорогам.

А дороги уж, верно, ликуют, когда по первой ноябрьской пороше отплясывают седовласые кони, с улыбкой, зубасто хрящущие на ветру, под колокольчатый хохот гармошки...

ХОРОШО!

В. МАКСИМОВ

Недавно мне довелось побывать в бригаде прославленного механизатора Александра Гиталова. Среди многих замечательных гиталовцев я встретил молодого улыбчивого тракториста, мастера своего дела. Зовут его Петр. Фамилия — Великий.

НАСЛЕДНИК

Со лба устало
Стирая пот,
Смеется малый:
— Великий, Петр.
Почти мальчонка —
Загар литой.
Над бровью челка
Дугой крутой.
Что очень прост он,
Что юн — пустяк.
Пустяк, что ростом
Велик не так.
Земли рабочий —
Не бог, не маг.
Но смерял вотчин
Его размах.
Единоверцев
Его сочти.
С ним вместе сердцем
Весь мир почти.
Он носит — истый
Народа сын —
Чин тракториста —
Высокий чин.
На край передний
Идет с утра
Прямой наследник
Того Петра.
Идет в обличье
Царя работ
Само величье —
Великий, Петр.

«Улица — моя. Дома — мои». Поэт видел в те годы еще «улицы-змеи», и как подстать были бы его широкому шагу сегодняшние московские проспекты, Юго-Запад столицы!

Виктор ТЕЛЬПУГОВ

русская улица

Далекий берег Осло-фиорда. Традиционный летний лагерь норвежских комсомольцев.

Мы приехали сюда в тяжелое время — только что отгремела война, которая коснулась и маленькой северной страны. Свежие воронки. Ржавая проволока концлагерей. Голодные семьи рыбаков и крестьян...

Мы сидим со своими новыми друзьями и вглядываемся в бурную морскую воду. Крутые валы, как бревна, с грохотом катятся по отлогому каменному берегу. Мы молчим. То ли потому, что трудно человеческому голосу побороть шум прибоя, то ли оттого, что просто не знаем языка друг друга.

Не помню, сколько мы тогда просидели вот так, сомкнув руки вокруг колен, не произнося ни единого слова. Но когда на берегу стало темно и холодно, мы развели костер и постепенно все-таки разговорились. В затаенных уголках памяти каким-то чудом раскопали мы с моей спутницей, москвичкой Верой Исаевой, десятка полтора-два норвежских слов. Это очень обрадовало хозяев.

Где и когда изучили мы их язык? Мне действительно начинает теперь иногда казаться, что я «немножко знаю» норвежский и мог бы отправиться сейчас в страну фиордов без всяких переводчиков.

А когда один широкоплечий паренек затянул вдруг песню про Катюшу, наступил наш черед удивляться и радоваться: где и когда норвежцы выучились русскому?

Утром мы разбили на берегу полотняный лагерь. А через день-другой сюда начали съезжаться сотни белокурых парней и девушек со всех концов страны и зарубежные гости. Вырос целый город. Норвежский, датский, французский, советский флаги высоко взвились на ветру, расправили шумные квадраты шелка над морем и скалами. Выстроившиеся в длинные ряды палатки образовали улицы, которым даже решено было дать названия — чтобы легче было ориентироваться в этом многолюдном, многоязычном поселении.

Легли мы однажды спать: просто в пятнадцатой от угла палатке, а проснулись... на Русской улице!

Адрес этот сразу стал самым популярным в лагере. К нам приходили целыми делегациями:

— Мы ваши земляки.

— Мы с вашей Русской улицы.

Другие утверждали, что «самая русская» улица та, где вцепилась всеми четырьмя колышками в каменистую землю именно их палатка:

— Видите, вон там, у скалы Рауала-Отважного проходит улица Сталинграда.

Мы тоже шутили в ответ — счастливые, как никогда в жизни:

— Приезжайте к нам в Москву, там все улицы русские — Краснопролетарская, Интернациональная, Народная, застава Ильича, шоссе Энтузиастов, площадь Коммуны.

Мы с Верой по складам произносили дорогие сердцу названия, а норвежцы, датчане, французы записывали.

Я вспомнил об этом сегодня, много лет спустя, потому что в самый канун Октябрьской годовщины ко мне, как всегда перед праздником, пришло письмо из далекого Нарвика. На конверте — адрес, который с каждым годом чья-то рука выводит все увереннее и тверже:

«Москва, Красная площадь героев, проспект Мира — самая лучшая улица на земле...»

— Как же они доходят по такому адресу? — все порываюсь я спросить почтальона, но он перед праздником очень торопится в другие дома и квартиры. Видно, много писем приходит в Москву в эти дни.

Направляюсь на почту, разыскиваю заведующего. Узнав о причине моего появления, он понимающе улыбается, протягивает мне руку через узкое стеклянное окошечко:

— С наступающим! Будете отвечать Нарвику, ради бога не «уточняйте» адрес. Мы все тут на него любовались сегодня. Хорошо и понятно написано! Передайте от нас привет норвежскому другу. А вам вот еще одно письмо — из Франции. Только что прибыло. Обратный адрес — площадь Сталинграда.

...Много русских улиц на белом свете, думаю я, возвращаясь. На одной из самых прекрасных среди них стоит мой дом.

Семьдесят четвертая параллель

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

— Выходит, опоздали, товарищ. К утру караван будет уже далеконько отсюда. — И, обращаясь снова к морякам, сказал вызывающе: — Ну что, капитаны! Сочиняйте новый график, атомоход прибавил нам еще месяц навигации. И это только для начала.

Развалившись в кресле, посоветовал мстительно:

— А кое-кому и у нас придется прописываться здесь на постоянное жительство. Ничего не поделаешь, надо жить по атомному календарю. А по нему выходит, весенняя навигация откроется нынче раненько...

В общежитии научных работников, где мне дали место для ночлега, я познакомился с супружеской парой. Он — инженер-гидролог. Она — сотрудница обсерватории, тонкая, бледная, с длинными зелеными глазами, рыжеволосая, в желтом тугом свитере и в черных брючках. Он не по возрасту солидный, но в ярко-синей рубашке, вместо галстука цветастое кашне, упрятанное за расстегнутый воротник.

Словом, явные уники, по которым на материке определяют «стиляг».

Я не очень охотно принял гостеприимное предложение поужинать вместе. С большим удовольствием предпочел бы общество капитана «Нерпы», опытного и бывалого полярника.

Комната супругов своим убранством вполне соответствовала вкусам хозяев. Огромная тахта, обтянутая раскрашенной рогожей, торшер, сделанный из весла, вместо стульев — разноцветные табуретки. Низкая книжная полка, сооруженная из неокрашенных досок, сверху уставлена полированными корневищами. Столик с металлическими ножками, накрытый стеклом. Вот и все, что имелось в этой комнате.

В другом месте такой продуманный вызов против общепринятых атрибутов уюта выглядел бы даже симпатичным. Но на этом скалистом острове на краю земли он мне показался притворным, нарочитым, жеманным и настраивал враждебно-иронически.

Я сказал для того, чтобы что-нибудь сказать:

— Значит, так вы здесь и живете!

Инженер ответил беспечно:

— На Диксоне очень хорошие условия для научной работы, нет отвлекающих обстоятельств. Летом климат почти такой, как зимой на южном побережье Крыма.

— Ну, а когда полярная ночь?

— День превращается в понятие условное, только и всего.

Раздражаясь пренебрежением, с каким молодой инженер судил о Заполярье, я не удержался и съязвил:

— Конечно, для вас, старого полярника, здесь уже все привычно.

Инженер промолчал, но супруга заявила с обожанием:

— Володечка считает: Диксон — это еще не самый крайний север.

— Я полагаю, что трудности определяются не столько широтами, сколько степенью материально-технического обеспечения, — самоуверенно сказал инженер. — И вообще первым целинникам было тяжелее зимовать, чем теперь полярникам при современном уровне снабжения.—Обращаясь к жене, спросил:—Согласна?

— Ах, ну что ты, Володечка, — пожала плечами супруга. — Я жила там на привилегированном положении — работала на электростанции. Светло, тепло и всеобщее уважение. — Супруга тряхнула тщательно и модно разлохмаченной головой и объявила капризно: — Я ведь просто сбежала на целину от несчастной любви вот к этому типу.

Инженер бросил сердитый взгляд на жену и, вежливо улыбаясь, сообщил:

— Ольга Андреевна хотела работать в Арктике, но по состоянию здоровья ей не разрешили. Мотивом для опровержения решения комиссии послужила работа ее на целине.

— Ты просто нахал, зазнавшийся нахал! По физкультуре я всегда была лучше тебя. Ты часто болел и пропускал уроки, а я никогда ничем не болела! — воскликнула супруга.

— Мы вместе учились в школе, — пояснил инженер.

— И всегда вместе сидели на одной парте,— напомнила жена.

— Да, сидели, — согласился инженер.

— И я всегда была влюблена в него и никогда не говорила ему об этом, потому что была рыжей, тощей и считала, что все рыжие некрасивые.

— А ты и осталась рыжей и тощей.

— Но теперь я стала красивой и знаю, что я красивая, — сказала женщина. И, запрокинув голову, повернулась к нам в профиль, приняв надменный вид.

Я смотрел на нее, такую сейчас оживленную, гордую, светящуюся, и только теперь понял, какая она действительно удивительно красивая и как обдуманно она заполнила собой эту комнату со скудным убранством, где все казалось лишним, кроме нее самой, сухощавой, стройной, озорной, с лицом, освещенным огромными зелеными глазами.

И, видно, она поймала мой взгляд, мгновенно смутилась, поспешно села на табурет, как-то вся сжалась, ссутулилась и, извиняюще-робко поглядывая на мужа, спросила жалостливо:

— Но ведь правда, Володечка, я стала сейчас получше, чем была девчонкой, я ведь так старалась...

— А я каким был Квазимодой, таким и остался, — угрюмо сказал инженер.

Низкорослый, с коротко остриженной крупной головой, упрямо выпуклым лбом и мягким курносым носом, он не мог похвалиться наружностью, и модное одеяние очень не шло к нему.

— Володька, — воскликнула женщина, — как ты смеешь о себе так говорить и даже так думать о себе. Это не ты, а я уродина.

— Ольга, перестань, — попросил инженер.

— Ах так, — сказала она. — Ну так вот. — Женщина отвернулась, подняла руки к голове, что-то сделала с волосами, взяла салфетку, окунула в блюдце, быстро вытерла лицо и вновь обернулась к нам.

Разделенные на пробор волосы туго обтянули голову, обозначились некрасивые большие бледные уши, тонкий хрящеватый нос, безбровое, безресничное, белесое простенькое лицо, наивное и трогательное в своей беззащитности. Она смотрела на нас с презрительной брезгливостью.

— Вот я какая на самом деле,—с мстительной жестокостью сказала Ольга Андреевна, и пригрозила, — и еще есть веснушки, — помедлила. — всюду.

— Ольга, ну зачем ты?!

— Чтоб товарищ знал, какими средствами я добилась, чтоб ты стал моим мужем. Ну как, ужасная? — спросила Ольга Андреевна.

Конечно, та, прежняя, больше соответствовала современному понятию хорошенькой женщины. Но эта, которая сейчас сидела передо мной — яростная, взволнованная саморазоблачением, — несла в себе столько пламени любви и безбоязненной уверенности в победе своей любви, что я невольно почтительно произнес:

— Ваш муж должен считать себя очень счастливым человеком.

— Да? — протяжно спросила женщина. — А вот представьте, когда меня здесь не было, он чуть было не женился на другой. — И добавила с нежностью: — Видите, какой негодяй, а притворяется хорошим.

Я вопросительно взглянул на инженера.

И он снизошел к моему любопытству...

Инженер участвовал в поисках зимовщика из бухты Омулевой. Ползущий след человека привел к охотничьим «пастям» на песцов. В них лежали пачки бюллетеней, которые зимовщик должен был доставить промысловым охотникам во время выборов в Верховный Совет. Человек был застигнут черной пургой, но, обессиленный, замерзающий, он дополз до охотничьих «пастей» и положил туда бюллетени, зная, что рано или поздно их там обнаружат охотники, обходя «пасти». Этот человек для спасения жизни не захотел даже разжечь костер из бюллетеней и погиб, окоченев в снежной яме.

Инженер тоже сам чуть было не погиб в поисках зимовщика, заблудившись в тундре.

Зверовод ненецкого колхоза нашла его в снежной пустыне, спасла, выходила.

— Такая, знаете ли, оказалась славная девушка, — инженер взял с книжной полки фотографию в пластмассовой рамке, подал мне, предупредив: — Конечно, она здесь хуже, чем на самом деле. — Спросил: — Вы индийскую киноактрису Наргис помните? Так вот, ее копия.

Сходства с Наргис я не обнаружил. С фотографии глядело округлое лицо с суровыми темными глазами в нежно припухших веках.

Жена инженера, наклонясь над фотографией, произнесла с плохо скрытой тревогой:

— А она все-таки ничего, — и бодро объявила: — Все равно я очень благодарна за Володечку. — Потом поспешно сказала: — Только вы, пожалуйста, не думайте, что он в нее уж так сильно влюбился. Володя — человек крайне рационалистичный. Он просто воображал, что с ней у него получится исключительно ценное содружество для работы в Арктике. С такой женой можно даже смело и в Антарктиду ехать. — И спросила насмешливо, заискивающе: — Ведь правда, Володечка, тебе с такой женой очень удобно было б в Антарктиде работать? Она за тобой бы так ухаживала,

Инженер угрюмо молчал.

— Нет, ты скажи, будь честным, — настаивала супруга. — Ведь я права. И он ей предложение сделал, и все логически обосновал, и сел в лужу. Зверовода оказалась студенткой ленинградского института. И жизнь в Арктике с милым ее совсем не соблазняла.

Инженер сконфуженно подтвердил:

— Действительно, Ольга Андреевна права. Я оказался в глупом положении, руководствуясь только первым впечатлением.

— А как ты осрамился у них на стойбище, не скрывай, дружок, — потребовала супруга.

— Ничего тут нет особенного, — сказал инженер, — просто, когда я мотался один по тундре и вроде как умирал от голода, выяснилось, что я бы вовсе так не ослабел, если б решился съесть хотя бы одну собаку из упряжки. Но это мне просто в голову не приходило, — убить животное, которое столько дней таскало меня на нартах, и последним провиантом я, конечно, честно делился с собаками. И когда девушка привезла меня на стойбище обмерзшего и совсем слабого от голода, все смеялись: как это так, умирать от голода, когда в упряжке столько собак.

Супруга деловито напомнила:

— И зверовода твоя тоже смеялась. Ведь смеялась, да?

— Ну, смеялась, — согласился инженер.

— А я вот не смеялась над тобой, — сказала с дрожью в голосе Ольга Андреевна. — А просто ела с тобой собачатину, чтобы ты остался живым, ела не для себя, для тебя. Мне ведь вовсе тогда не хотелось жить, но я жила, чтобы ты остался живым. И ела, ела.

— Ну, правда, ела, — мягко сказал инженер. И строго напомнил: — А где же все-таки твое знаменитое кофе по-турецки?

Ольга Андреевна вышла, хлопнув дверью. Инженер наклонился, косясь на дверь, сказал:

— Мы с Оленькой, видите ли, ленинградцы, в одной коммунальной квартире жили. Блокада. Я сильно ослабел. И вот она кормила меня котлетами. Сами теперь понимаете, из чего. Ну — не хочу. Словом, Оленьке тогда было двенадцать, а я ее на три года старше. А вот оказался менее прочным...

Вошла Ольга Андреевна, толкнув дверь ногой. В руках у нее поднос с тяжелыми глиняными чашками. Прозрачные зеленые глаза светились самоуверенно и гордо. Инженер бодрым тоном, будто продолжал то, о чем рассказывал в отсутствии жены, говорил:

— После института сразу поехал на зимовку мыса Стерлегова. Получили звание коллектива коммунистического труда. В сущности, на зимовках коммунистический быт — правило поведения, а вовсе не какое-то особое достижение.

Ольга Андреевна, ставя чашки на стеклянную поверхность стола, заметила строптиво:

— Володя всегда все преувеличивает. И на зимовке, и здесь — всюду разные люди. Приехала я на Север, понятно, из-за Володечки, мне ведь в Пулково предлагали. Но старая любовь, ничего не поделаешь. Естественно, я, как и всякая молодая женщина на моем месте, мобилизовала все свои ресурсы, чтобы Володечке всегда нравиться. А тут начались пошлые разговоры — стиляжка и прочее. Очень, знаете, неприятно. Я бы, конечно, ради Володечки могла начать и безвкусно одеваться. Но он не позволил. И знаете, чем пресек все пересуды? А вот, — Ольга Андреевна кивнула на мужа, — видели, франт. Начал одеваться обдуманно, как я. А его все здесь очень уважают. И мгновенно разговоры обо мне прекратились.

Оглядев с гордостью мужа, объявила:

— Теперь ясно вам, какой он у меня чуткий, хороший, самоотверженный.

Инженер осторожно снял руку жены с плеча:

— Тоже мне, психолог. Просто я принципиально не терплю скидок в быту на Заполярье.

— Слышали? — обиженно воскликнула Ольга Андреевна. — Я же вам сказала: сухой, рационалистичный человек. — Склонившись, бережно поцеловала в колючий затылок и объявила капризно: — Я очень просила Володечку отпустить для меня бороду, как у Хемингуэя, а он не хочет.

— Вам нравится Хемингуэй?

Ольга Андреевна обожающе посмотрела на мужа:

— Володечка считает, что Чехов — мужественный и смелый писатель, а вот Хемингуэй боится сказать о человеке все, что он о нем знает.

— Ну, а вы сами, как считаете?

Лукаво улыбаясь, женщина произнесла певуче и нежно:

— А мне больше всех на свете нравится мой Володечка. Он такой всегда рассудительный. Зимой провалился в трещину, привезли — ледышка. Прибежала в больницу. А он: «Пожалуйста, не волнуйся, я работник умственного труда, потеря какой-нибудь конечности для меня не столь существенна». А вот я бы ни за что не рассталась ни с одной из своих конечностей. Хотя тоже принадлежу к упомянутой категории тружеников.

Инженер объяснил:

— Ольга Андреевна занимается исследованиями некоторых подробностей космического пространства. И вот ее новая работа признана весьма ценной.

Он вынул из шкафа толстую рукопись, отпечатанную на гектографе. Ольга Андреевна перехватила рукопись, небрежно бросила ее обратно на полку, пожаловалась:

— У Володечки единственная слабость — это хвастать мной.

— Но почему же единственная? — запротестовал муж.

— Потому что в других слабостях ты сам никогда не признаешься.

— Тогда скажи, в каких, если знаешь.

— А коровы, — гневно сказал жена, — коровы, которыми ты упрекаешь здесь многих.

— Ну и что? — насупился инженер. — Ведь это правда! Они дают удой три тысячи четыреста литров. Выше, чем на многих фермах на материке. И если бы еще использовать некоторые питательные водоросли, мы могли бы сократить привозные корма.

— Ага! Стесняешься, — победоносно воскликнула жена. — Ты другое говорил. Местными коровами ты упрекал тех, кто не мог сразу приспособиться к полярным условиям.

— Позволь, позволь, — обиделся Владимир, — не искажай мои мысли. Я утверждал и утверждаю, — раз двадцать пять процентов суши нашей планеты — вечная мерзлота, следовательно, нужно рассматривать Крайний Север как обыкновенную часть общей территории страны, и жизнь здесь должна быть такая же, как и на материке, без этой самой подчеркнутой исключительности.

— Ну вот, — печально произнесла Ольга Андреевна, — любящая женщина бросилась к нему на этот холодильник, создала уют, а этот тип воображает: иначе и быть не могло. — Пожаловалась:—Теперь вы понимаете, как трудно быть его супругой. Он железный и волевой, не знающий ни сомнений, ни страха...

— Ольга, прошу, это уже переходит границы!

— Ну хорошо, — покорно согласилась Ольга Андреевна. — давайте пить кофе и наслаждаться тем, что мы на краю земли чувствуем себя так, как будто живем в самом центре ее цивилизации, ведь этого хочет Володечка.

— Да, — сказал инженер, — именно этого...

Когда я вернулся к себе в комнату для приезжих, на одной из пустующих коек сидел тучный человек в нижнем белье и, наклонившись над табуреткой, где стояло крохотное зеркало, брился. Покосившись, он спросил с грубоватой бесцеремонностью:

— Ну как, переживают? — Потер ладонью щеку, заключил одобрительно: — Значит, не показали виду. — Признался: — А вот у меня не хватило духу к ним зайти. — Поморщился: — Неприятно себя виноватым чувствовать. Но разве это я? Работа. Заболел гидролог на полярной станции — срочно сменить. Кем? А вот, пожалуйста. Владимир Иванович, чем не кандидатура? И ничего не скажешь! Вполне. А давно ли это «вполне». До Ольги Андреевны подопустился парень: выпивал, летом в валенках ходил, физиономия в шерсти. Приехала эта пичужка и взяла в оборот. И теперь что ж, правильно. Отдал приказ, примерно на годик их разлучаю. Дело велит, а душа ноет.

Человек крякнул, улегся на койку и, глядя в потолок, произнес мечтательно:

— Я бы сейчас пивка выпил! — Пожаловался: — А то не засну сразу, извините, уж буду вас табачком беспокоить, нервы, знаете ли...

Всю ночь сосед по койке не давал мне уснуть. Он вздыхал, ворочался, курил, пил воду...

Грозным видением вставало передо мной мертвое пространство обледеневшей полярной тундры.

Я лежал и думал о том, что если бы тунгусский метеорит на самом деле оказался летательным космическим снарядом, благополучно прибывшим на Землю, какую бы ужасающую тоску испытали бы жители иной планеты, увидев тундру, гигантскую, окоченевшую, болотистую, подобную дну океана. Но первые наши люди, которые высадятся из космического корабля на другую планету, мне думалось, будут обживаться там с таким же надменным пренебрежением к космическому пространству, с каким они относятся тут к ледовой пустыне.

И все, что здесь сделали и делают советские люди, оставаясь всегда такими, какие они есть, было не меньшим подвигом, чем будет грядущий подвиг первых астронавтов.

Утром я не увидел больше моего соседа. Возле его койки на полу стояла большая полоскательница, полная едко воняющих окурков.

Я оделся и пошел на пристань, где уже ждала меня шлюпка. Мы плыли в белом мраке. Туман оседал влажным снегом. Я поднялся на шхуну по спущенному с борта штормтрапу.

Вся нижняя палуба завалена серыми окровавленными громадами туш белух.

Мачты корабля — в ледовом нарасте. Оттаивая, они роняли капли. Было такое ощущение, будто над кораблем идет дождь.

В металлическом вельботе, висящем на шлюпбалках, стоял долговязый юноша и кувалдой выправлял вмятины. Вельбот гудел от ударов, как железная бочка.

Спрыгнув на палубу, юноша провел ладонями по щекам и объявил, застенчиво улыбаясь:

— Вот бородой оброс, совсем как Кастро.

В блестящих резиновых сапогах до паха, в розовой майке, обнажившей тонкую шею и длинные белые руки с темными тяжелыми кистями, в белесой курчавой бороде он выглядел весьма живописно. Вот он, оказывается, какой, этот «опытный полярник», капитан «Нерпы».

Но беседа о полярных плаваньях у меня с ним не получилась.

Пригласив в каюту, капитан долго и страстно выспрашивал меня: «Чего там на Ассамблее в Нью-Йорке?». И потом печально объявил:

— Ну, какое у нас здесь плаванье, время навигации совсем куцое. Весь экипаж — сплошные студенты-заочники. — И спросил извиняющимся тоном: — А что будете делать зимой, если нечего делать, — только учиться. Как ходили? Нормально. А то, что помяло льдами и разошлась обшивка, так мы помощи не просим. Мы чего по радио от Диксона требовали? Давай сводку, как «Балтика». Шли, конечно, с сильным бортовым дифферентом. Встретили «лесовоз», предложил помощь, а мы ему тоже — давай сводку про «Балтику». Получили. Включили на всю свою радиомощность веселую музыку для ясности и пошли дальше своим ходом. И вот приберемся, доставим на полярную станцию инженера и обратно, — сказал озабоченно, — надо поспеть к началу учебного года.

— А вы где учитесь?

Капитан усмехнулся:

— Не учусь, а уже сам учу. Окончил заочный педагогический — преподаю ботанику. Ну еще работаю по совместительству агрономом, в колхозе.

— Агрономом?!

— Ну да, парниковое хозяйство у нас здесь большое. На ферме три тысячи семьсот коров. Изучаем растительность тундры, косим кое-что на зеленую подкормку. Но лето в этом году выдалось влажное — ничего не прихватишь. А так, бывает, и урожай тонн пятьдесят собираем.— Произнес задумчиво: — Супруга инженера, которого мы на полярную станцию свезем, в астроботанике понимает: говорит, что есть планеты, где климат менее подходящий, чем у нас в Заполярье, а растительность, скажем, на Марсе все-таки существует. Вот ракетой прихватить бы оттуда семян, попробовать, может, у нас лучше пойдет. Если по-мичурински мечтать, — ну не сады, а пастбища.

Капитан взглянул на часы и попросил:

— Вы меня извините! Баржа сейчас подойдет, надо добычу сваливать. Звери тяжелые, как коровы, а стрелы у нас слабые, нужно смотреть и смотреть, чтобы не перегружали.

Мы вышли на палубу.

Непроглядный туман окутывал остров и бухту. С корабля светил прожектор на притулившуюся к борту посудину. Но луч его не пробивал влажную мглу и, отраженный туманом, висел в воздухе световой лужей.

Роился редкий снег. Пресно пахло льдом. Шхуна шаталась и мерно лязгала цепями.

На баке я увидел вчерашнего знакомого инженера. Он был в берете, короткой куртке с множеством пряжек. Одежда несколько легкомысленная для полярной зимовки. Рядом с ним стояла Ольга Андреевна в таком же черном берете, как на муже, и в серой цигейковой шубке. Лицо ее светилось печальной и нежной, озабоченной улыбкой, в руке она держала плетеную «авоську», набитую лимонами и луком.

Я спустился по висящему трапу на катер. Мотор взревел. Все скрылось в белесых сумерках. Боцман «Нерпы», плечистый паренек в брезентовом бушлате, сказал сердито:

— На рассвете на корабль прибегал начальник полярной службы, брюхатый, жирный, как белуха. О пассажире суетился. Дал команду каюту первого помощника освободить... Нам что, пожалуйста, потеснились. Пришлось только график культработы несколько поломать. Инженер обещал лекции читать. Посмотрим, чего нового скажет, — мы «Технику — молодежи» выписываем, народ подготовленный.

Катер привалился к слизкой стенке пристани. Я сошел на невидимую в тумане землю. Лязгали ковши кранов, выгружая из трюмов лихтеров норильский каменный уголь. Басово рычали в бухте корабли. И когда от дуновений ветра туман шатался, отчетливо выступали из берегов черные грозные диабазовые скалы и в расселинах их угрюмо мерцал снизу, не истаявший за тысячелетия лед.

У НАС В ГОСТЯХ

«Почему стали возможными операции на сердце?», «Что такое современная хирургия — наука или искусство?» — эти вопросы были заданы лауреату Ленинской премии доктору медицинских наук Е. Н. Мешалкину, побывавшему 3 ноября в гостях у редакции «Литературной газеты».

В очень интересном импровизированном выступлении Евгений Николаевич рассказал о состоянии современной медицины, ее новейших достижениях и о научных проблемах, стоящих перед молодым коллективом ученых возглавляемого им Института экспериментальной биологии и медицины Сибирского отделения Академии наук СССР.

Заведующий лабораторией кино-фото-телевизионных методов исследования института Ю. М. Бутов продемонстрировал цветные кинофильмы об операциях на сердце и крупных кровеносных сосудах.

Витезслав НЕЗВАЛ

ПРИВЕТ

Я сыграю тебе на всех черных клавишах ночи,
Я сыграю тебе на всех белых клавишах дня.
Для тебя загораются звезд серебристые очи
На высотах надгорных, откуда земля не видна.

В честь тебя, для тебя, наше юное народовластье,
Наша мать с непоседой-весной на руках,
Мое сердце стучит барабаном, подковою счастья
И взлетает над лесом, над пылью, над кручей в горах.

В честь воздушного знамени с клином небесного цвета,
Разделяющим белый и красный цвета,
В честь платка кумачового — нашего знака привета,
И в честь солнца, которым пшеница твоя налита.

В честь родной синевы твоих блузок, холщевых рубашек,
В честь рабочего платья (а пятна от масла не в счет!),
Как идет это платье работницам нашим,
Оно будет мне сниться всю ночь напролет.

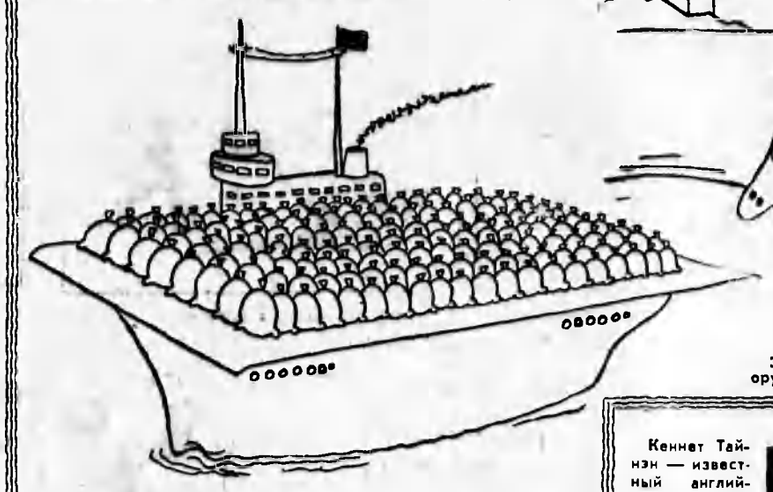
В честь твоих колыбелей, твоих малышей смуглолицых,
Им в наследство достанется все, что кипит и поет.
В честь людей, что заставили горе от них отступиться,
Заслуживших, республика, рукопожатье твое.

В честь читателя наших стихов, продиктованных жизнью самою,
Чтобы в смысл их проникнуть, — мотыгой копни.
Ранний-ранний картофель бывает так скрыт под землею,
Но он нежен и прост, словно мячик в руках ребятни.

Загремит барабан, и прохожий воздаст тебе почесть,
И пила, точно радуга, вспыхнет, сияньем маня.
Я сыграю тебе на всех черных клавишах ночи,
Я сыграю тебе на всех белых клавишах дня.

Перевел с чешского Н. РАЗГОВОРОВ

ТАК Я ВИЖУ МИР ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

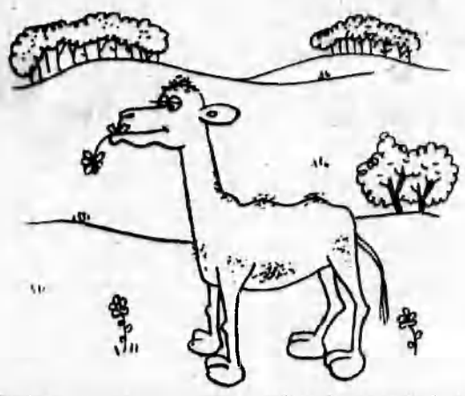


Авианосец доставляет избыток американской пшеницы в Индию.

Эскимос в купальных трусиках после того, как плотина, сооруженная в Беринговом проливе, изменила климат.

Рисунок для «Литературной газеты» немецкого художника Эриха ШМИТТА

В Кейптауне: не только черные, но и белые стали всклокочены.



Верблюд, которому не нужны горбы, ибо пустынь больше не существует.

Слава новому миру!

Ханс ШЕРФИГ,
датский писатель

ИТАК, прошло 43 года с тех пор, как свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, преобразившая мир!

Как давно и как недавно все это было! Это случилось на моей памяти. Я помню то время, когда социализм существовал только как теория, как далекая мечта о будущем. Сегодня социализм — реальность. Он существует, он действует, он изменил образ жизни миллиарда людей. Родилось новое человечество. Новое достоинство, не позволяющее одному жить плодами труда другого. Новая мораль, новая честь, новая свобода.

Мы присутствовали при рождении социализма. Он не появился на свет готовеньким подобно Афине-Палладе, вышедшей в один прекрасный день из головы Зевса. Нет, он родился, как рождается бедное дитя человеческое, в крови и муках. Иначе и быть не могло. Новый мир не рождается без боли.

Нам здесь, на нашем «диком Западе», странной кажется мысль о том, что в Советском Союзе живет сейчас поколение взрослых людей, никогда не знавших иного общества, кроме социалистического.

Этим людям, наверное, трудно понять нас — нас ведь всю жизнь воспитывали и формировали по капиталистическим образцам. Каждый день и каждый час мы подвергаемся воздействию. Из года в год пытаются управлять нашим сознанием. Эксперты по пропаганде, специалисты по рекламе, политики, журналисты, писатели, учителя, священнослужители без устали обрабатывают нас, методически и планомерно трудятся над тем, чтобы ввести нас в заблуждение, запутать.

Я очень хорошо помню, когда произошла Великая революция. Мне было тогда 12 лет, и я учился в старой и, по общему мнению, почтенной гимназии. В гимназии мы заучивали бесконечные даты царствования королей и даты разных битв, мы узнавали там о Гральде Синезубом и об Эрике, прозванном Кровавый топор, о Гогенштауфенах и Гогенцоллернах, о папах и антипапах. Но мы ничего не узнали там о Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе. Мы учили о войне между Белой и Алой розой, но мы ничего не узнали о классовой борьбе.

Когда я впервые услышал имя Ленин, мне сказали, что это «имя злодея». Революцию в России вначале изображали как некий досадный эпизод, который, надо думать, не затянется надолго. Потом выяснилось, что это нечто большее, чем эпизод. Это — ужас, стали говорить тогда, это — деспотия, это — конец свободы. Нам рассказывали о неслыханных беспорядках, будто бы творящихся в России, о людоедстве, о закате культуры.

Ядовитый туман лжи и клеветы окутал революционную Россию. Чего только нам не говорили о ней! Чего только не читали мы в газетах! Социал-демократическая пресса отличалась больше других, была самой злобной, самой лживой. Как только возник новый мир, социал-демократические лидеры, которые в дни юности сами же пророчили его рождение, поставили своей целью бороться с ним всеми доступными средствами. Как только социализм стал реальностью, социал-демократические лидеры заговорили о конце света.

Смешно сказать, но случалось и так, что буржуазные гуманисты выступали против революции во имя свободы. Свободу буржуазии — вот какую свободу они защищали. Они сами отнюдь не были свободны. Они ели хлеб из рук буржуазии и называли себя независимыми «аристократами духа». Когда в России родилась свобода, западные «аристократы духа» встали на защиту своей буржуазии и принялись поносить эту свободу.

Все эти 43 года мы на Западе дышали ядовитым воздухом. Наша буржуазия располагает всеми возможностями для того, чтобы беспрепятственно отравлять атмосферу. Ей принадлежит монополия на свободу печати, ей принадлежит право свободно лгать.

Капиталистический мир называет себя сегодня «свободным миром». Из года в год, изо дня в день это выражение столь упорно повторялось в прессе, по радио и телевидению, в церковных проповедях, на уроках в школах, в речах и докладах, что слово свобода в нашем западном языке звучит сейчас столь же двусмысленно, как слово демократия. Демократия на нашем западном языке означает — капитализм. Демократические партии — буржуазные политические партии. Свободный мир — мир монополий, где свобода означает право одних грабить и угнетать других.

В обществе, где господствует торгашеская мораль, фальсифицируются также идеи и понятия. Здесь все ненадежно — и вещи, и слова. Наши товары не те, за которые их выдают, а слова искажают, придавая им противоположный смысл. Так произошло со словом «свобода». У нас «свобода» означает насилие, то самое насилие, которое возникает там, где один человек может беспрепятственно эксплуатировать другого. Десять лет назад США преподнесли в дар Западному Берлину «колокол свободы». Звон его возвещает о рабстве.

Писатель, который хочет писать правду, должен следить за словом — инструментом, которым он работает, как это делает всякий добросовестный мастеровой. Он должен чистить его, шлифовать и оттачивать, иначе инструмент затупится.

У нас, современников этого века, была более беспокойная жизнь, чем нам хотелось бы. Наш мирный труд постоянно нарушался. Мы вынуждены были использовать наше перо как оружие, и если нашим потомкам придет когда-нибудь в голову читать наши произведения, они, возможно, найдут нас слишком воинственными.

Я не хочу жаловаться на наше время. История человечества и в прошлом знает немало преступлений и ошибок. Путь человечества был нелегок. Каждая эпоха оставила после себя немало свидетельств глупости, несправедливости и жестокости. Но из всех исторических эпох капитализм — самая отвратительная. Эпоха владычества буржуазии ужаснее, чем эпоха владычества фараонов, цезарей, пап, дворянства и королей, она холоднее и бессердечнее. Что такое костры, на которых инквизиция сжигала еретиков, по сравнению с фашистскими крематориями и фабриками смерти, с Хиросимой?

Капитализм изуродовал землю. Он создал трущобы больших городов. Километры стандартных домов, угольная пыль на траве, воздух, отравленный дымом, горняцкие поселки Англии, где даже горняки не могут пробиться сквозь толщу угольной пыли, индустриальные пустыни Рура, где дети никогда не видели зеленого дерева... В пригородах Нью-Йорка — я видел их из окна надземки — все дома, все улицы одинаковы, все постоянно повторяется, тоскливый кошмар, хочется плакать, глядя на все это.

В мире частной собственности, в мире капитализма каждое открытие превращается в несчастье. Капитализм создал невиданные прежде возможности для развития техники. Но варварский общественный порядок никогда не мог совладать со своими собственными созданиями. Машины, призванные облегчить труд рабочего, принесли с собой безработицу. Умные печатные станки, призванные распространять знания, стали распространять глупость. Невиданные доселе несчастья и страданья сопутствовали каждому новому успеху, каждому шагу вперед.

Прогресс медицины сделал возможной бактериологическую войну. Исследования в области атомной энергии были использованы для создания бомбы, способной опустошить всю нашу планету. Техника создала газовую камеру, электрический стул, механическую виселицу, «нервный газ», напалмовую бомбу. Искусство книгопечатания используется в капиталистическом мире для распространения «просветительных» изданий типа «Ридерс дайджест». Все, что могло бы быть хорошим и полезным, удобным и плодотворным, оборачивается при капитализме горем для большинства людей.

Но эта проклятая и страшная эпоха все же несла в себе прогресс подобно той дьявольской силе в гётевском «Фаусте», которая стремится к злу, но против своей воли творит добро. Капитализм означал увеличение числа рабочих и концентрации их. Он создал рабочий класс. Он объединил рабочих и вложил им тем самым в руки оружие для своего освобождения. Именно в капиталистическую эпоху, в эпоху анархии, безумия конкуренции, войн и катастроф, стал возможен захват государственной власти пролетариатом.

У нас на Западе стало литературной модой проклинать жизнь. В мире умирающей культуры темой творчества стали страх и смерть.

Я убежден, что приветствовать новый мир — более достойно писателя. Приветствовать ту половину земного шара, где люди не захотели больше жить ради наживы. Я живу в условиях капитализма, но мне удалось заглянуть в будущее. Я был в Советском Союзе и видел собственными глазами, что социализм существует, что он изменяет не только условия жизни людей, но и их поступки. Я увидел в Советском Союзе много прекрасного, но люди потрясли меня больше всего.

Рождение Советского Союза после первой мировой войны означало для всех народов земли начало новой исторической эпохи. И вот родились после второй мировой войны народные демократии, потом появился на свет новый Китай, восстали народы Азии, от Кейптауна до Алжира поднялись на борьбу народы Африканского континента, вспыхнула освободительная война в Латинской Америке, весь мир захлестнула волна непреодолимого движения сторонников мира. Новая историческая эпоха вступила в свои права. Поворот истории свершился. Даже у нас здесь заметно, что дни стали светлее.

На свете стоит жить!

КОПЕНГАГЕН, ноябрь.

ВАШИНГТОНСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Кеннет ТАЙНЭН

Кеннет Тайнэн — известный английский театральный критик, постоянный обозреватель буржуазного еженедельника «Обсервер». В последнем, октябрьском номере американского журнала «Харперс мэгэзин» напечатана статья Тайнэна (журнал снабдил ее подзаголовком: «Рассказ английского критика о том, как его допрашивала одна из комиссий сената»), которая дает реальное представление о пресловутой свободе творчества в Соединенных Штатах. Помещаем эту статью с небольшими сокращениями.

ПЯТОГО МАЯ этого года я впервые посетил Вашингтон. И с большим запозданием. Помню, что, выходя из утреннего нью-йоркского самолета, я еще раз упрекнул себя за нерадивость: полтора года пробыв в Америке в качестве английского журналиста, я все как-то не удосуживался съездить в столицу Соединенных Штатов. Я был тем более рад исправить это упущение, что в конце месяца собирался вернуться в Лондон, и возможность побывать в Вашингтоне могла мне не представиться вовсе. День был жаркий и удивительно ясный; город, мелькавший за окнами такси, казался зеленым и приветливым. Лучшей погоды не мог бы пожелать самый привередливый турист, и я, испытывая блаженное отупение (подействовала успокоительная таблетка), почти забыл о цели моей поездки, как вдруг ехавший со мной адвокат наклонился вперед и попросил шофера остановиться у главного подъезда внушительного и бесцветного административного здания, занимавшего целый квартал.

— Это новое здание канцелярии сената, — объяснил он.

Мы вошли вместе. Я поправил галстук и застегнул пуговицы пиджака, в кармане которого лежал полученный восемь дней назад документ, требовавший, чтобы я явился для допроса в сенатскую подкомиссию по вопросам внутренней безопасности Соединенных Штатов.

С ноября 1958 года я работал в качестве театрального критика журнала «Нью-Йоркер» — я получил неожиданное и лестное приглашение занять этот пост вскоре после печальной кончины занимавшего его Уолкотта Гиббса. В то время я был театральным критиком лондонского «Обсервера», редактор которого любезно разрешил мне принять это предложение и провести в Нью-Йорке два театральных сезона. Америка не была для меня неведомой страной: начиная с 1951 года я ежегодно пересекал Атлантический океан, чтобы ознакомиться с последними новинками Бродвея и дать их обзор в английской прессе.

Приехав по приглашению «Нью-Йоркера», я привез с собой горячее и доброжелательное любопытство к Америке, жену-американку и маленькую дочку, обладающую американским паспортом. А также я, естественно, привез с собой определенные взгляды на жизнь вообще и на возможность ее дальнейшего существования на этой переживающей опасные дни планете. Я был (и остаюсь) сторонником английской лейбористской партии; я одобрял (и одобряю) кампанию за запрещение ядерного оружия; и я принимал участие в демонстрации протеста перед Управлением по атомному вооружению в Олдермастоне...

Если только вы не Флобер, один театральный обзор в неделю не может занять всего вашего времени; поэтому я был очень рад, когда «Ассошиэйтед телевижн» — одна из крупнейших английских телевизионных компаний — предложила мне сделать для них программу о течениях в духовной жизни Америки, которые не совпадают с официальной линией. Эта работа показалась мне особенно заманчивой потому, что она давала возможность подорвать, если не вовсе уничтожить, ошибочное представление об американской жизни, укоренившееся в умах многих англичан в эпоху маккартизма; а именно, что американское общество — это нечто монолитно единообразное, состоящее из безликих членов, объединенных одной организацией. Я по личному опыту знал, насколько абсурдно такое мнение; я знал, что Америка изобилует людьми, чьи взгляды идут вразрез с официальной точкой зрения; как, собственно говоря, и должно быть в стране, которая возникла в борьбе за право иметь свои взгляды.

По этим причинам я охотно дал согласие и летом 1959 года улетел в Лондон, где после бесконечных споров с моими нанимателями составил список интересных и видных представителей течений, противостоящих официальной точке зрения. Осенью того же года моя программа снималась на пленку (в Нью-Порке, Сан-Франциско и Лос-Анжелосе), причем бюджет был скудным, а срок — минимальным, и приходилось ограничиваться теми деятелями, которые имели охоту и возможность принять участие в моей программе именно в это время. В январе 1960 года программа была дана по английскому телевидению под названием «Мы не согласны» — передававшаяся поздним вечером полуторачасовая телепостановка, во время которой двадцать с лишним американцев сделали заявления о культуре...

«Мы не согласны»

Английская пресса в общем встретила эту программу восторженно, хотя некоторые критики отозвались неодобрительно о качестве съемок, а другие удивились тому, насколько умеренны взгляды американцев, не согласных с официальной точкой зрения. В Америке, где эту программу не видели, на нее откликнулись более бурно. Некоторые южные газеты окрестили ее «диверсионной», а нью-йоркская «Дейли ньюс» в редакционной статье, озаглавленной «Вот ваши шляпы, господа!», обвинила ее участников в том, что они обливают грязью собственный дом, и посоветовала им незамедлительно убраться в Англию, Россию или Китай...

25 февраля 1960 года сенатор Томас Дж. Додд, вице-председатель подкомиссии по вопросам внутренней безопасности и бывший случайший ФБР, выступая в сенате, обрушился на мою программу с документально обоснованными обвинениями. Сказать, что сенатор говорил с чувством, значит не воздать ему должного: он говорил, весь горя яростной жаждой возмездия. Он назвал передачу «Мы не согласны» «фальшивкой» и «вопиющим примером безответственной критики, подрывающей «западное единство»; он также возмущался «ее односторонностью», и по его просьбе сокращенный вариант сценария был напечатан в «Конгрешнл рекорд». Мне был прислан (не знаю, кем) экземпляр его речи, и я, добросовестно ее прочитав, по глупости отправил ее в корзину для бумаг. Разумеется, она уязвила мое самолюбие, но я счел ее простым критическим высказыванием и решил, что на том дело и кончится. Это, как оказалось в дальнейшем, была роковая ошибка.

Несколько позднее, весной 1960 года, я получил письмо от недавно возникшей организации «За справедливое отношение к Кубе» с просьбой подписать заявление в «Нью-Йорк таймс», осуждающее неполные и часто искаженные сведения о кубинской революции, которые в то время появлялись в американской печати. (В январском номере одного из журналов появилась моя статья о Гаване, где я упоминал о Фиделе Кастро с симпатией; этим, вероятно, и объяснялась просьба о моей подписи.) В заявлении приводились и опровергались с помощью фактов различные тенденциозные высказывания о режиме Кастро, которые появлялись в «Ньюсуик», «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» и в нью-йоркском «Джорнэл Американэ». В заявлении также говорилось, что цель Кастро — «вернуть Кубу кубинцам», и в заключение указывалось на необходимость полного и непредубежденного освещения этих событий. Убедившись, что факты, приводимые в заявлении, верны, я прибавил свой автограф к списку, уже включавшему подписи писателей Жан-Поля Сартра, Симоны де Бовуар, Трумэна Кэйпота, Нормана Мэйлера, Джеймса Болдуина и еще шести лиц, мне неизвестных...

Восемь тяжелых дней

Я вышел из дверей своей квартиры, направляясь в театр (дело было 27 апреля), как вдруг из лифта вынырнул низенький человечек и сунул мне в руку конверт, содержавший вызов в сенатскую подкомиссию по вопросам внутренней безопасности. Мне приказывалось быть в Вашингтоне через сорок часов; графа, где следовало проставить причину вызова, осталась незаполненной.

Сперва меня охватило удивление, потом смутный страх, тот страх, который испытываем мы все, когда на нас указывает палец государственного учреждения. Страх за свое финансовое будущее, — если я буду запятнан публично, как это отразится на моих американских заработках? И как отвечать на вопросы комиссии, не нанося непоправимого удара независимости своих взглядов? Я решил не ходить в театр и поэтому адвокату, который протелеграфировал в комиссию и добился восьмидневной отсрочки. Это были безусловно самые странные и тяжелые восемь дней за всю мою жизнь.

Я позвонил в английское посольство в Вашингтоне и спросил, имеет ли право сенатская подкомиссия вызывать на допрос иностранных журналистов. Мне ответили, что человек любой национальности может быть вызван в Вашингтон, после того как он ступит на американскую землю. И это уж мое личное невезение, что я оказался первым иностранцем, не проживающим в Америке постоянно, который получил подобный вызов в сенатскую комиссию. Затем я позвонил вашингтонскому корреспонденту одной из английских газет. От него я тоже ничего утешительного не услышал.

— Правда, ни с одним европейским журналистом они этого еще не проделывали, — сказал он. — Но это их право. Если им понадобится, они могут вызвать хоть корреспондента «Правды». И если говорить откровенно, старина, здесь трудно сохранить либерализм и без таких, как ты, лезущих на рожон.

Но, может быть, я слишком поспешил, обратившись за советом к неамериканцам? Я поговорил с редактором «Нью-Йоркера», который внешне был совсем спокоен, хотя в душе испытывал некоторое смущение, в чем я убедился, заметив, как он обрадовался, когда узнал, что допрашивать меня будут на закрытом заседании. Эти заседания напоминают прослушивание исполнителей: если кто-нибудь проявляет задатки «звезды» (другими словами, если его симпатии к коммунизму ясны и могут быть доказаны), его вызывают вторично для публичного прослушивания. В конце концов я позвонил Норману Мэйлеру и спросил, получил ли он вызов. Вызова он не получал и был этим явно недоволен. По его просьбе я спросил своего адвоката, чем это может объясняться.

— Ну, во-первых, — ответил тот. — Мэйлер ни у кого не служит. У него нет работы, которую он мог бы потерять...

Крученые мячи

Прежде чем я осмелился войти в комнату, где мне предстояло подвергнуться допросу, я позаботился кое-что узнать об обычаях, приемах и истории подкомиссии по вопросам внутренней безопасности. Я узнал, что она существует десять лет, яростно ненавидит любые левые взгляды... Я узнал также, что единственным законным основанием для отказа отвечать на ее вопросы она считает Пятую поправку, касающуюся самообвинения, в любом же другом случае молчание истолковывалось как «неуважение к конгрессу».

Я невольно (и отнюдь не бескорыстно) задумался над тем, вручало ли хоть еще одно демократическое государство Запада такую чрезвычайную власть членам своих законодательных учреждений. Эта подкомиссия может вызвать на допрос любого человека в Америке, даже не предупредив заранее, о чем его будут спрашивать. Она может привлечь

(Окончание на 6-й стр.)

НАСТОЯЩЕЕ «ВЕНГЕРСКОЕ ДЕЛО»

Дьёрдь НЕМЕШ,
венгерский писатель

В НЫНЕШНЕМ году я совершил два знаменательных путешествия: в январе впервые побывал в Париже, сейчас — и тоже впервые — приехал в Москву. Назвать Париж и Москву — это далеко не то же, что упомянуть каких-нибудь два других города! Столица Франции — вне зависимости от реакционной политики теперешних правителей страны — жила и живет в нашем сознании как колыбель революционных бурь прошлого. Янош Бачани, венгерский поэт того времени, призывал соотечественников: «...Вы зоркие глаза к Парижу обратите!» За сто семьдесят лет мир сильно изменился. Социализм впервые осуществлен на советской земле, и надеждой народов стала Москва. Если бы Бачани жил сегодня, то, конечно, призвал бы обратить зоркие глаза уже не к Парижу, а к Москве.

Я бродил по холодным январским улицам Парижа, а сейчас гуляю по праздничным, покрытым рано выпавшим снегом улицам Москвы и думаю о глубокой связи между этими двумя городами. Ведь Париж — мировая столица прошлого, Москва — настоящего.

Я побывал в пригороде Парижа — Менильмонтане. Прошло девяносто лет с тех пор, как на холмах Бельвиля и Менильмонтана пали смертью храбрых люди, боровшиеся за то, чтобы власть перешла в руки пролетариата. Защитники Парижской Коммуны, героические французские рабочие, расстрелянные на кладбище Пер-Лашез, не могли знать, когда осуществится то, во имя чего они жертвовали жизнью.

Но борьба все новых поколений, кровь все новых мучеников, упорная борьба партии Ленина, труд его верных последователей стали ощутимой реальностью в стране осуществленного социализма. А к столетнему юбилею Парижской Коммуны, за торжество идей которой погибли французские коммунары, Советская страна станет первой державой мира не только по силе и мощи, но и по выпуску продукции на душу населения.

В Париже меня постоянно сопровождало прошлое, здесь, в Москве, я чувствую будущее. То самое будущее, которое большой пролетарский поэт Аттила Йожеф назвал «сознательным будущим». Советский народ поднялся на такие вершины, откуда совсем близко к полному переходу к коммунизм. Мне вспоминаются слова Никиты Сергеевича Хрущева на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза: «Мы уже теперь открываем дверь в коммунистическое общество». Советский человек войдет в царство, которое долгие века было мечтой и утопией, не один, а вместе со своими братьями по великой семье социалистических народов. Дело коммунизма — это дело всех наших народов, в том числе и венгерского.

Об этом надо помнить потому, что враги социализма, враги мира тоже говорят о «венгерском деле», хотя оно не имеет никакого отношения ни к Венгрии, ни к венгерскому народу.

Четыре года прошло с той поры, когда империалистические заговорщики попытались оторвать Венгрию от семьи социалистических стран. Венгерские революционные силы с помощью Советского Союза отстояли рабочую власть, разгромили контрреволюцию, а затем с большим терпением разъясняли ошибки тем, кто заблуждался.

Международная реакция и в первую очередь американские империалисты вынуждены были признать провал своих коварных планов в Венгрии. Но история учит нас, что реакция не умеет делать правильных выводов из своих поражений. И вот поднатужившись, используя шарлатанских повивальных бабок, она разродилась так называемым «венгерским делом», «венгерским вопросом». Четыре года живет, вернее прозябает, этот нежизнеспособный рахитичный выродок.

Янош Кадар, глава нашей делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ясно показал, что «венгерский вопрос» — это инструмент «холодной войны», он не имеет никакого отношения к венгерской действительности. Империалистические силы хотят дискредитировать не столько Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство, сколько Советский Союз, советскую внешнюю политику, чтобы отвратить внимание человечества от мирных советских предложений.

Я приехал в Москву из Венгрии всего несколько дней назад. И смело могу утверждать, что наших трудящихся очень мало волнует вопрос о том, какое решение будет вынесено в ООН по поводу «венгерского дела» или чем, например, занимается так называемый «специальный представитель ООН по венгерской проблеме» господин Мунро.

Наших трудящихся интересует другое — настоящее «венгерское дело». Мне хочется рассказать о нем, не впадая в крайности, не приукрашивая действительности.

Конечно, есть у нас люди, и по сей день не совсем разобравшиеся в отдельных вопросах. Но я совершенно уверен, что нет у нас ни одного честного человека, который не согласился бы с утверждением, что в Венгрии не было еще никогда такого единства и сплоченности всех слоев общества, как ныне. За четыре последних года жизненный уровень трудящихся повысился на одну четверть, а реальная заработная плата заводских рабочих поднялась почти на треть. За те же годы промышленное производство увеличилось на 36 проц., сельскохозяйственное — на 12 проц. Пусть господин Мунро внимательно посмотрит вокруг себя, понаблюдает за жизнью своей собственной страны или других капиталистических государств. Могут ли, скажем, американцы соревноваться с нами во врачебно-санитарном обслуживании населения?

Можно было бы долго рассказывать о сегодняшней Венгрии, о том, как изменился пострадавший в дни контрреволюционного мятежа Будапешт. Приезжающие к нам гости могут засвидетельствовать, что наши крестьяне с каждым годом получают от кооперативных хозяйств все больше хлеба. Все быстрее строятся дома, залечил свои раны и приоделся в новое платье Будапешт. По ночам город сияет огнями. Полки магазинов нашей столицы ломятся от продуктов и различных товаров. Все лучше одеваются люди, всегда полны театры и кинозалы.

Но это только некоторые признаки. А возьмите такие факты, как возвращение в Венгрию за короткое время сорока тысяч эмигрантов, еще недавно одураченных вражеской пропагандой. Утверждения насчет так называемой «внутренней эмиграции» оказались несостоятельной ложью. Виднейшие представители нашей интеллигенции стали на сторону социалистического строя.

Настоящее «венгерское дело» решается не в ООН. Его вершат наши рабочие, крестьяне, интеллигенция на заводах, в полях, в научных учреждениях. Настоящее «венгерское дело» — это строительство социализма, чтобы вместе с дружной семьей социалистических народов во главе с Советским Союзом вступить в коммунистическое общество.

В эти дни, когда все прогрессивное человечество готовится отпраздновать 43-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, с особенной глубиной ощущаешь величие строящегося коммунизма.

Взоры венгров обращены к Москве.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ОТКРЫТ ПО СУББОТАМ

К СВЕДЕНИЮ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Сегодня на праздничных стендах нашего музея мы экспонируем новые работы сатириков и юмористов Украины, Казахстана, Белоруссии, Узбекистана, Азербайджана и Эстонии.

Посетители могут ознакомиться также с юмором наших друзей из Венгрии, ГДР, Польши и Румынии.

Пользуясь случаем, научные сотрудники и дирекция музея от всей души горячо поздравляют посетителей с наступающим праздником Великого Октября, желают им счастья и успехов в труде, желают хорошо повеселиться в обществе добрых друзей.

Каной же праздник без друзей!
И, следуя традиции,
Гостей встречает Литмузей
На праздничной странице.
Приветствует их радостно:
Пожалуйста, входите!
Располагайтесь запросто,
С дороги отдохните.
Потом сойдемся за столом,
И нам не будет тесно,
Хоть нас немалое число,
Здесь всем найдется место:
Узбеку и болгарину,
Украинцу и чеху —
Ведь мы же все товарищи,
Товарищи по смеху.
Задорный юмора родник,
Сатира с точной целью...
Нас дело общее роднит —
Народное веселье.
И если смех подхватят,
Мы будем очень рады;
Хохочущий читатель —
Нам лучшая награда.
И каждый здесь сегодня рад.
Счастливый и свободный,
Внести свой вклад, веселый
вклад
В наш праздник всенародный!

КАЗАХСТАН

РЕПОРТАЖ «ШМЕЛЯ»

По Казахстану летает очень сердитый шмель («Ара»). Он больно жалит бездельников, тунеядцев и хулиганов. Казахские читатели хорошо знакомы с «Ара».

Но сегодня «Ара» не сердит,
У него сегодня добрый вид,
Отправляясь в праздничный
полет,
О хороших людях он поет.
Да, поет. Не жалит, не язвит.
В праздник и у «Ары»
добрый вид.

Ведь казахстанцы готовятся к двум большим праздникам — 43-й годовщине Великого Октября и 40-й годовщине установления Советской власти в республике.

Едва успев вылететь из своего гнезда в Союзе писателей Казахстана, наш путешественник встретил двух удивительно похожих друг на друга людей, которые старались шагать в ногу.

Один из них держал в руках книги, а другой—геологическую карту республики.

— О, да это близнецы — Каныш-ага и Мухтар-ага! — воскликнул «Ара» и, вытащив свой блокнот, начал рисовать.

— Пожалуйста, не отвлекайте нас. Мы готовимся к праздничному параду. Ведь нам нужно шагать вместе с жизнью, не отставать от нее. Вот мы и тренируемся, — сказали К. Сатпаев и М. Ауэзов.

«Ара» сделал много зарисовок.

Он видел хлеборобов
Казахстана,
Он видел металлургов
Казахстана,
Которые трудились неустанно
И будут веселиться неустанно.
Для них, кто плавил сталь
и сеял рожь,
Наш праздник по-особому
хорош.

Когда путешественник вернулся снова в Алма-Ату, наш корреспондент А. Алимжанов попросил «Ара» поделиться своими находками с «Литературным музеем». «Ара», похлопав крыльями, согласился и передал эти рисунки.

Рисунки художника
А. ВОЕВОДИНА

УКРАИНА

Михаил БЕЛЕЦКИЙ

ТРУДЯГА

Он в деле — ноль, ему лишь
речи любы:
Витийствует он так, что
пухнут губы.
А скажут: «Отдохни!» —
Обидно болтуну:
— Построим коммунизм,
тогда и отдохну!

ВЕРНОСТЬ

Избранницу свою любил
жених
Сверх всякой меры.
Посудите сами:
Когда он даже обнимал
других,
Она была перед его глазами!

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН

УЗБЕКИСТАН

Алим ГАФУРОВ

СИЛА СЛОВА

Твердя в стихах, что пьянство
— преступленье,
В печати с ними выступил
поэт.
Друзья прочли.
«Привет, старик, привет...
Обмыть бы надо это
выступленье!»

Перевел с узбекского
А. НАУМОВ

ПРО ДЕДА МУХАММЕДА

Учился в школе Мухаммед,
И толк в поэтах знал он.
И был у Мухаммеда дед,
Каких у нас немало.

Пускай он нынче не у дел
Свой век трудился весь он
И незаметно овладел
Десятками профессий!

Любил учиться он — и вот
Он полевод и плодовод,
Он куровод, экскурсовод —
И тот Федот он и не тот.

Как мог успеть все это дед
Всего за восемьдесят лет?
Не мучьтесь, не гадайте:

Учился в школе Мухаммед
Такой уж возраст!
Ну, а дед...
Был создан в детиздате.

А. НАУМОВ

ЕЖ — КРИТИК...

...Когда он встречается с маститым... ...и обыкновенным автором.

Рисунок художника **И. АЛЕКСАНДРОВИЧА**

Николай ПОЛОТАЙ

ВЕНЕРА И ДИРЕКТОР

Перед Венерою Милосской
стоя,
Директор фабрики протезной
так сказал:
— Вот! Жил товарищ...
Положение какое!
А не грозил,
не беспокоил
И, надо думать,
жалоб
не писал!

Дмитро ЧЕРЕВИЧНЫЙ

ВЫКРУТИЛАСЬ

Шутка

Завптицефермою Лисица
Курятинной любила
поживиться.
И в результате этой
процедуры
Редели птицеферменные
куры.
Воровку сцапали: «Что
делаешь, Лиса, ты?»
«Как что? Я сокращаю
штаты!»

Юрий КРУГЛИК

ПРИМЕТЫ «НОВАТОРСТВА»

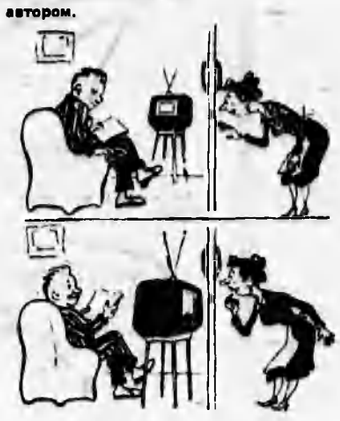
Он был маститым, был на
высота,
Его уже настолько почитали,
Что ляпсусы в грамматика —
и та
Приметами новаторства
считали.

КУКУШКИН И ПЕТУХОВ

— О, как поешь ты! Дивно!
Несравнимо!!!
— А ты! Божественно!!
Неповторимо!!!
— Твой стих — фонтан
возвышенного чувства!
— А твой — вершина чистого
искусства!
— Тебе поставят памятник в
отчизне!
— А ты себе воздвиг его при
жизни!

То не крыловские Петух с
Кукушкой—
Позты не нахвалятся друг
дружкой.

Перевел с украинского
А. КОСТОВЕЦКИЙ



Без слов.
Рисунок художника **Л. БОЙКО**

БЕЛОРУССИЯ

Максим ТАНК

РАЗДУМЬЕ

Не знаю, когда я успел
постареть,
Раскланяться с юности
чарами;
Почти разучился смеяться и
петь,
Свой нос оседлал окулярами.
Все чаще а президиум просят
меня
Читать всем известные
истины.
Девчата не смотрят совсем на
меня
И «дядей» зовут,
независимы.

Сыграть в дурака, что ль,
соседа позвав?
Вся в лунном сиянье околица.
От рифм надоевших болит
голова,
Гнетет до рассвета
бессонница.
Привык я к диете, к галошам
привык
И к бане с березовым
веником.
Бывает, в стихах получается
«пшик» —
Пора выбирать академиком.

Кондрат КРАПИВА

Ответ Максиму Танку

«Привык я к диете, к галошам привык
И к бане с березовым веником.
Бывает, в стихах получается «пшик» —
Пора выбирать академиком».
Максим ТАНК

Мучат тревоги его необычные,
И стих грустноватый написан.
Не плюй на лысины
академичные,
Сам будешь лысым.

Перевел с белорусского
Вл. КАРПЕКО

АЗЕРБАЙДЖАН

Салам КАДЫРЗАДЕ

ТРЕХСТИЛЬНЫЙ ПРОЗАИК

— Ваше последнее произведение показалось мне весьма странным. В начале очень смешное, в середине оно насыщено поэзией, а в конце я ничего не понял, — обратился маститый писатель к молодому прозаику.

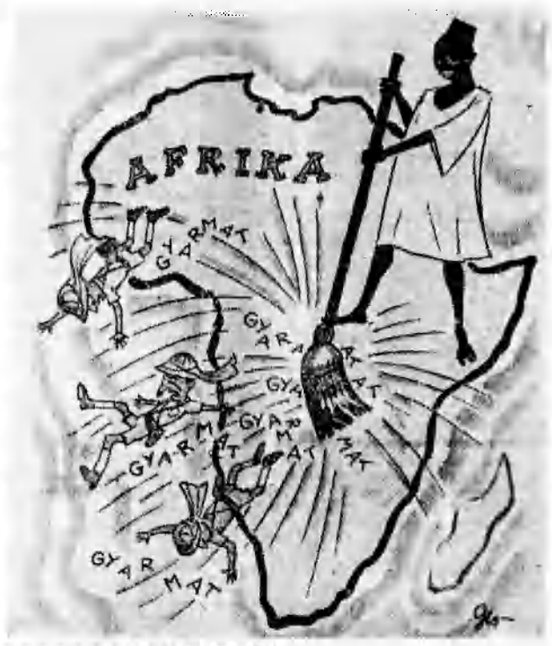
Прозаик улыбнулся:

— Ничего удивительного. Сперва редактирование моего произведения поручили писателю-сатирику. Отредактировав несколько страниц, он уехал в отпуск. Над серединой работал поэт, а конец вообще никто не трогал.

ЭСТОНИЯ

Критики в полемическом азарте.
Рисунок художника Хуго **ХИЙБУСА**

ВЕНГРИЯ



Осенняя уборка
Рисунок художника Гизи **СЕГЕ**

РУМЫНИЯ

Виктор ПИЦИГОИ

ДЕБЮТ

Молодой человек, недавно получивший направление института, пребывал в нерешимости, не зная, какое из двух кресел выбрать: правое или левое. В конце концов он робко присел на краешек одного из них.

Перед ним, как беспристрастный судья, восседал редактор. Последний спокойно достал из ящика стола конверт и извлек из него рукопись. Было совершенно очевидно, что она принадлежит молодому человеку, удовлетворившемуся краешком кресла. Да, это, очевидно, пробный очерк, и от того, как он написан, зависит, будет ли он принят на работу в редакцию или нет.

Редактор-судья начал чтение приговора, то есть изложение своего мнения об очерке:

— Я бы не сказал, что он плохо написан. Но герой «не живет»...

— Вы так считаете?

— Конечно. Ведь ясно видно, что он надуман, что это плод досужей фантазии.

— Уверяю вас, что это не плод фантазии.

— Ну что вы! Ведь он неправдоподобен, ваш герой. Что он делает? С детства ему нравится учиться. В школе он первый ученик. Дальше он поступает на завод, и ему нравится его работа. Допустим, что это еще сойдет... Так, пойдем дальше... В часы досуга он занимается спортом, и это ему тоже по душе... Допустим... Когда, наконец, он становится квалифицированным рабочим и мог бы уже неплохо зарабатывать, вы снова отправляете его учиться... в институт. И опять-таки ему нравятся литература, филология... Так не пойдет, разве вы не чувствуете?

— То есть как это не пойдет?

— Очень просто... Вашему герою все нравится. У него одни положительные качества. А где же конфликтность? Вы могли бы написать, например, так: «Работал он с душой. Только вот учиться ни за что не хотел... И тут на арене появляется коллектив. Под его воздействием герой на протяжении нескольких страниц совершенно меняется... и поступает на вечерний факультет...» Вот! Это уже не плод досужей фантазии, а положительный герой, взятый из жизни. Что вы скажете?

— Теперь уже поздно.

— Ничего не поздно, поскольку очерк еще не напечатан. Вы можете его изменить. И еще один совет: измените заодно и родителей героя.

— Как, и родителей?

— Да. Они мне явно не нравятся. Они неправдоподобны. Если отец машинист на железной дороге, то никак не клеется, чтобы мать была художницей. Вы сами разве не чувствуете?

— Но это уже не моя вина...

— Как так? Вы же их создали...

— Изволите шутить? Не я их, а они меня создали...

— ???..

— Конечно. Ведь очерк-то в другом конверте, который лежит у вас на столе. А в руках вы держите мою автобиографию. Вы же сами сказали: напишите ее подробнее... Так требуется при поступлении на работу...

Перевел с румынского
М. РОЗЕНФЕЛЬД

ВАШИНГТОНСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

к судебной ответственности за ложь, как за дачу ложных показаний, и грозить тюрьмой за молчание, если только свидетель не захочет заявить, что, отвечая, он тем самым признает себя преступником. Тот факт, что подобная власть принадлежит какому-то органу, кроме суда, показался мне тогда (как кажется и теперь) резко противоречащим конституции. На протяжении всего заседания подкомиссии мне непрерывно приходилось напоминать себе, что я не в Англии. Впрочем, это было не так уж трудно.

Эта комната была прохладной и прямоугольной и примыкала к залу для публичных заседаний. Посередине ее стоял узкий длинный стол. Когда мы с моим адвокатом вошли, за этим столом уже сидели юрист подкомиссии, краснолицый любезный человек по имени Джул Сэрвайн, двое секретарей, протоколист, официальная стенографистка и референт мистер Мандель. Сенатор Додд еще не прибыл, и некоторое время шел шутливый разговор, касавшийся преимущественно замечательной системы внутренней связи в новом здании канцелярии сената.

— Трудно бывает услышать только свидетелей, — лукаво сказал мистер Сэрвайн.

Наконец через полчаса, не извинившись и едва кивнув присутствующим, вошел и занял председательское место сенатор Додд — раскрасневшийся, хмурый, седовласый. Я назвал себя и принес присягу; затем началось заседание. Вопросы в основном задавал мистер Сэрвайн, сияя доброжелательной улыбкой, хотя сенатор Додд время от времени вмешивался и спрашивал что-нибудь сам. Начали мы с моей телевизионной программы. Не правда ли, спросил мистер Мандель, ее целью было высмеять и опорочить Соединенные Штаты? (Я был бы рад привести его вопросы дословно, но, поскольку мне не дали стенограммы, приходится ограничиться пересказом.) Я объяснил, что это не было целью моей программы; что ее целью было опровергнуть существующее в Европе ошибочное мнение, будто Америка—это страна интеллектуального конформизма. Меня затем спросили, каким образом я установил контакт с такими людьми, как Арнольд Джонсон, Клинтон Дженкс и Дальтон Трамбо, которые все, сказал мистер Сэрвайн, согласно показаниям принесших присягу свидетелей, были в прошлом или являются в настоящем членами коммунистической партии. С помощью телефона, ответил я. И с помощью адресов, которыми меня снабдили в Англии. С кем в Англии обсуждал я эту программу?

Это меня ошарашило: мне как-то не приходило в голову, что полномочия американской комиссии могут простираться и на Англию. Я ответил, что обсуждал ее с сотрудниками «Ассошиэйтед телевижн», которым было поручено работать над ней. Назовите их имена. Их имена, указал я, перечислялись во вступительных титрах. Тут имена эти были занесены в протокол, и теперь даже монтажеру придется, возможно, отвечать на очень бесцеремонные вопросы, если тому вздумается когда-нибудь попросить американскую визу.

Затем от меня снова потребовали подтверждения, что программа была построена в антиамериканском духе. В ответ я обратил внимание подкомиссии на заявление профессора юридического факультета Йельского университета Юджина Ростоу, который присутствовал в студии во время передачи. После ее окончания ведущий спросил его, не думает ли он, что Америка потребует права ответить.

«О нет-нет, — сказал он телезрителям. — Я совсем не считаю, что эта программа бросает на Америку неблагоприятный свет. Конечно, она не показывает всей картины в целом, но она на это и не претендует. Она показывает только очень интересную и важную часть жизни американского общества...»

Тут вмешался сенатор Додд и осведомился, каким это образом я заполучил Юджина Ростоу, с которым он лично знаком. По мере сил скрывая злорадство, я ответил, что мы позвонили в американское посольство в Лондоне и попросили рекомендовать нам какого-нибудь видного деятеля американской культуры, чей отзыв на программу был бы достаточно веским и беспристрастным. Они немедленно рекомендовали нам обратиться к профессору Ростоу.

Затем мы перешли к вопросу о кубинском заявлении. Тут мне перестало быть страшно и стало весело: на такой допрос единственным возможным ответом могла быть удивленная улыбка. Получил ли я деньги за подписание этого заявления? Нет. Мне платили кубинским золотом? Нет. Знаком ли я с другими лицами, поставившими под ним свою подпись? Сартра и Бовуар я знаю понаслышке; Мэйлера, Болдуина и Кэйпота знаю лично. Известно ли мне, — вот тут мой страх сменился внутренним смешком, — известно ли мне, что президент Эйзенхауэр произнес речь, в которой назвал режим Кастро угрозой стабильности в западном полушарии? Нет, неизвестно. А считаю ли я оправданным высказывать мнения, которые прямо противоречат мнению президента Соединенных Штатов? Я несколько мгновений, не веря своим ушам, размышлял над этим вопросом, а потом ответил, что я англичанин и что всю свою жизнь я имел привычку формировать какие-то взгляды, не беспокоясь о том, совпадают ли они с мнениями президента Соединенных Штатов или нет.

Сохраняя полную невозмутимость, мистер Сэрвайн затем подал мне крученый мяч. Был я или не был автором статьи, появившейся в некоем журнале? Да, был. Знаю ли я, что это всем известный коммунистический орган? Нет, не знаю. Почему я написал для него статью? Мне позвонил редактор, сказал, что руководит малотиражным журналом, посвященным вопросам культуры, и попросил меня что-нибудь для них написать. Поскольку я всегда готов поддержать орган печати, находящийся в стесненных обстоятельствах, если мне это не причиняет особых хлопот, я предложил ему статью в тысячу слов о текущем бродвейском сезоне. Она уже была перед этим напечатана, прибавил я, на гарантированно некоммунистических страницах лондонского «Обсервера». За эту перепечатку я не получил (и не требовал) никакого гонорара.

Неизрасходованный гнев

На этом, полагаю, заседание подкомиссии и кончилось бы, если бы мой адвокат по моему настоянию не потребовал, чтобы в протокол было занесено заявление, которое я подготовил накануне...

После этого мне разрешили удалиться. За мной рысцой выбежал какой-то клерк и попросил меня подписать бланк, на основании которого я мог бы получить двенадцать долларов, причитающихся свидетелю. Чернила в его ручке были ярко-красные. — «никаких политических ассоциаций, разумеется» — тактично успокоил он меня и скрылся. Я ушел и отправился завтракать с полным сарказма либеральным журналистом, который с тридцатых годов пишет о политической жизни Вашингтона. Он сообщил мне, что со времени смерти сенатора Маккарти строгости значительно смягчились; полагаю, что моя ироническая улыбка вызвала у него некоторое недоумение.

Я вылетел в Нью-Йорк, где меня ждала новая неожиданность, связанная с расследованиями подкомиссии. Иммиграционные власти обнаружили в моем паспорте какой-то формальный недочет, а поскольку забыли продлить мое разрешение работать в Соединенных Штатах, мне угрожала немедленная высылка. Ценой больших усилий, неудобств и совещаний с адвокатом я сумел уехать из Нью-Йорка когда хотел, как хотел и по своему собственному желанию. Я даже сумел оплатить счет моего адвоката, достигший полутора тысяч долларов. В графе «кредит» у меня осталось двенадцать долларов и то, что Мильтон назвал «полезным опытом, извлеченным из этого великого события». Однако — цитируя дальше— я не уверен, что приобрел «спокойствие душевное», и не могу также со всей искренностью утверждать, что я израсходовал весь свой гнев.

ПОЛЬША

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ

ОТНОШЕНИЯ

Когда в кафе «Марципанек» мне подали холодный кофе, я не без радости вспомнил, что лично знаю директора треста кафе гр. Кручека. Эффект жалобы (которую я позволил себе изложить письменно) превзошел все мои ожидания. Уже через два дня почтальон торжественно вручил мне заказное письмо, в котором было выражено официальное соболезнование. Кроме того, в отношении сообщалось, что все кафе в нашем районе закрыты, чтобы подобные достойные сожаления инциденты больше повториться уже не могли...

Впредь я решил быть более осторожным в своих жалобах. Но прошло некоторое время, и вот в пекарне «Барокко» никто из персонала не ответил на мое приветствие «День добрый!». Поскольку я припомнил, что знаю руководителя треста хлебопечения, то я написал жалобу, выдержанную в чрезвычайно осторожном тоне. Я просто дал понять, что, возможно, было бы лучше, если бы обслуживающий персонал пекарни попытался отвечать на приветствия покупателей.

Через три дня наша почта доставила мне официальное извещение. Признаюсь: я вскрывал конверт с некоторым опасением. И, к сожалению, мои худшие предчувствия оправдались. Дирекция треста решила:

а) уволить весь персонал без двухнедельного предупреждения;

б) обратиться к соответствующим властям с предложением о выселении бывших работников пекарни в самые отдаленные уезды;

а) в помещении бывшей пекарни устроить склад отходов.

Что говорить: это решение мне тоже не показалось правильным. Однако трудно было вмешиваться в дела моего знакомого, да и вообще это могло показаться несерьезным. Ну что, в самом деле, — сегодня приношу жалобу, а завтра вмешиваюсь в решения дирекции!

По зрелом размышлении, я решил больше не писать жалобы знакомым. И потому, когда меня однажды поколотили в прачечной, я направился с жалобой в дирекцию только после того, как удостоверился, что никого из руководителей конторы не знаю.

В дирекции прачечного треста меня попросту спустили с лестницы...

Действительно: память мне не изменила! Никого из знакомых в этом учреждении у меня не оказалось...

Перевел с польского.
Я. НЕМЧИНСКИЙ

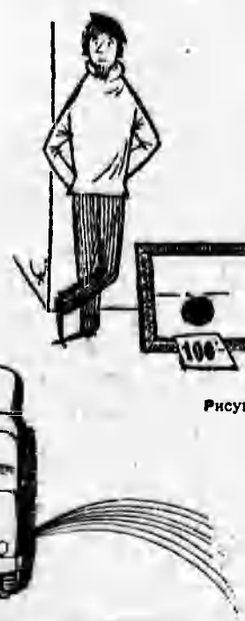


Рисунок художника Юзефа **КАЧМАРЧИКА**

ГДР

Президент Эйзенхауэр наградил американским боевым орденом бывшего гитлеровского генерала Хойзингера.
(Из газет)

«Я получил свой самый высокий орден за борьбу против фашистов, а теперь этот фашист Хойзингер получает тот же самый орден. Неужели парень настолько переменился?» «Нет, не он, а наша внешняя политика».

Рисунок художника
Эриха ШМИТТА

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет 7 ноября.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства—К 4-84-28, информации—К 4-08-69, писем—В 1-15-22, издательство—К 4-11-88, Коммутатор—К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б—02435